

На правах рукописи

САВИНОВ Дмитрий Михайлович

**ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМ ВОКАЛИЗМА
В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ**

Специальность: 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва
2013

Работа выполнена в отделе фонетики ФГБУН «Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН»

Официальные оппоненты   доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института славяноведения РАН
Калнынь Людмила Эдуардовна

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка
Санкт-Петербургского государственного
университета
Попов Михаил Борисович

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка
Северо-Восточного государственного
университета
Соколянский Александр Анатольевич

Ведущая организация   ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный
университет»

Защита состоится “ ____ ” _____ 2014 г. в “ ____ ” часов на заседании диссертационного совета Д 002.008.01 при ФГБУН «Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН» по адресу: Москва, Волхонка, 18/2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Автореферат разослан “ ____ ” декабря 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Б.Л. Иомдин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено структурно-типологическому описанию вокалических систем, которые сформировались на территории Южнорусского наречия под влиянием различных лингвистических и экстралингвистических факторов.

Вопрос о причинах возникновения и развития различных систем вокализма 1-го предударного слога затрагивался во многих исследованиях диалектологов и историков языка, однако и сегодня его нельзя считать окончательно решенным. В говорах представлено множество разновидностей аканья-яканья, отличающихся друг от друга типологически, то есть общей системой зависимостей и противопоставлений. Большинство систем вокализма с диссимилятивной основой имеет устойчивую сочетаемость с определенными системами ударного вокализма. И хотя связь между ними зачастую формальна, то есть отсутствует прямая зависимость ударных и предударных гласных, пяти-, шести- или семифонемные системы ударного вокализма всегда сосуществуют с определенными моделями предударного вокализма, что дает необходимый материал для исторических реконструкций.

Особенности звукового строя говора непосредственно связаны также с характером словесной просодии. В работах З.М. Альмухамедовой, С.С. Высотского, Л.Л. Касаткина, Р.Ф. Касаткиной, Р.Э. Кульшариповой, Г.П. Слесаревой, Т.Г. Фоминой, В.Н. Чекмонаса и некоторых других фонетистов показана зависимость различных разновидностей предударного вокализма от типа ритмической структуры слова. Именно ритмическая словесная структура определяет соотношение основных характеристик вокального каркаса слова, то есть обуславливает функционирование конкретной вокалической модели. Поэтому данное исследование не ограничивается поверхностным описанием различных типов аканья и яканья: значительное внимание в работе уделяется комплексному анализу и диахронической интерпретации вокалических систем в целом, а также выявлению связи между типами предударного вокализма и способами оформления словесных ритмических структур.

Типологическое разнообразие моделей предударного вокализма, а также сама возможность функционирования многих из этих типов обусловлены качеством самих предударных гласных. Гласный 1-го предударного слога после мягких согласных может реализовываться большим количеством разных звуков, которые вслед за Н.Н. Дурново обычно принято разделять на звуко-типы [а] – не-[а]. Так, «не-а» может звучать как [и] или [е]», а также «в целой гамме звуков между [е] и [и] <...>, например, [е], [е^и], [и^е], [и]»¹, то есть гласным «не-а» может быть любой звук переднего ряда ненижнего подъема.

Иначе обобщает эти гласные Л.Л. Касаткин, который отмечает, что в качестве безударных гласных, функционирующих как звуки неверхнего подъема,

---

¹ *Аванесов Р.И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974, с. 154.

могут выступать звуки в диапазоне от [e] до [a], и, таким образом, для большинства русских говоров правильнее было бы говорить о функциональном противопоставлении гласных [и] и не-[и].

В связи с изучением генезиса и синхронного состояния различных систем вокализма наиболее значимыми оказываются два основных этапа исследования, затрагивающих синхронический и диахронический аспекты. Первый связан с определением характера отношений между существующими моделями вокализма, то есть с их типологической идентификацией. Разработка типологии систем вокализма закономерно приводит ко второму этапу исследований, объектом которого становится диахроническая интерпретация существующих моделей, поиск их основных векторов развития. Особую актуальность он приобретает в связи с историей формирования типов предупредного вокализма в «первично акающих» говорах, к которым относятся Курско-Орловская и Рязанская (Восточная) диалектные группы, а также межзональные тульские, елецкие и оскольские говоры. Именно поэтому первая часть каждой главы представляет собой синхронное описание различных вокалических моделей, а во второй дается диахроническая интерпретация соответствующего языкового материала.

Как известно, основные изменения в русской фонетике следуют «закону И.А. Бодуэна де Куртенэ», сформулированному и подробно описанному М.В. Пановым: «В русском языке, как в большинстве славянских, упрощается система гласных, усложняется система согласных <...>, гласные играют все меньшую роль для различения слов»². Ослабление функциональной нагрузки гласных – универсальная тенденция в развитии любой диалектной подсистемы русского языка, однако особенно активно она действует в южнорусских говорах. О неуклонном сокращении различительной способности гласных на исследуемой территории могут свидетельствовать 1) утрата во многих диалектных системах особых фонем /ѣ/ и /ѡ/; 2) переход от корреляции [а] – не-[а], где [а] противопоставлено [e], к корреляции [и] – не-[и], где [а] и [e] являются вариантами единого звукотипа не-[и] и вместе противопоставлены звукотипу [и], в котором реализуются не только /и/, но и фонемы неверхнего подъема; 3) развитие тенденции к ассимилятивным изменениям безударных гласных.

Наконец, во многих диалектных системах активно развивается еще одна тенденция, которая находится в тесной связи с только что описанной. Впервые она была сформулирована Л.Л. Касаткиным: происходит постепенный переход от более напряженной артикуляционной базы к менее напряженной. Именно эта особенность развития русской фонетики обуславливает монофтонгизацию дифтонгов, появление в некоторых юго-восточных говорах «полоротых о и а», а также способствует уменьшению числа звукотипов в артикуляционном пространстве.

---

² Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры / Под. ред. М.В. Панова. М., 1968, с. 10.

Научная гипотеза исследования: развитие системы вокализма в южно-русских говорах подчиняется общим закономерностям развития русской фонетики – тенденции к сокращению различительной способности гласных, усилению позиционной обусловленности безударных гласных и уменьшению напряженности артикуляционной базы. Эти тенденции на протяжении веков затрагивали не только сегментное, но и просодическое устройство слова. Развитие нейтрализации в безударных слогах актуализировало дистактные связи между гласными, в основе которых лежали диссимилятивные закономерности, сформировало «устойчивый вокальный каркас» фонетического слова, что, в свою очередь, привело к модификации его старой ритмической структуры.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Существует тесная взаимосвязь между единицами сегментного и суперсегментного уровней, поэтому динамика развития вокалических систем может быть раскрыта только в ракурсе просодии речи. Любое, даже самое незначительное изменение парадигмы вариантов ритмической словесной структуры приводит к модификации и вокалической модели.

2. Для говоров юго-западной диалектной зоны характерно распространение диссимилятивных типов аканья и яканья, для говоров юго-восточной зоны – сильного аканья и ассимилятивно-диссимилятивных типов яканья. Однако типы предударного вокализма – это лишь внешнее проявление более глубоких отличий, связанных с особенностями просодической организации слова в этих диалектных объединениях.

3. Диссимилятивный принцип вокализма затрагивает не только акцентное ядро слова, но также другие безударные слоги; гласные могут расподобляться по тембру, по длительности, по силе, но чаще – сразу по нескольким признакам. Эта черта, характерная для говоров юго-западной зоны, является архаической особенностью и, по-видимому, указывает на то, что динамическая структура слова в древнерусском языке оформлялась при помощи волнообразного ритмического контура.

4. Развитие словесной ритмической структуры в южнорусских говорах можно представить в виде следующей схемы: волнообразный ритмический контур → «совмещенный» ритмический контур → ритмический контур «сильный центр и слабая периферия». В результате становления последней ритмической модели завершается формирование акцентного ядра слова; «просодически активная» центральная часть становится резко противопоставленной всем другим безударным слогам. Подобная модель развития способствовала сначала усилению неравновозможности гласных различителей, изменению их частотности, а затем и сокращению их числа, уменьшению информационной нагрузки гласных.

5. В большинстве южнорусских говоров конститутивным признаком фонем /ѣ/ и /ѡ/ должно быть признано скольжение тембра от верхнего к среднему подъему (с постепенным нарастанием интенсивности), что свидетельствует

о том, что в таких системах отсутствует различие (по крайней мере с фонетической точки зрения) четырех уровней подъема гласных.

6. Стабильное сохранение архаических диссимилятивных типов аканья и яканья поддерживается наличием под ударением семи гласных фонем, при этом сами типы предударного вокализма следует признать не фонетическими, а фонологическими моделями, что может свидетельствовать о системной значимости как корреляции [и] – не-[и], так и корреляции [а] – не-[а].

7. В современных юго-восточных говорах структура вокализма 1-го предударного слога после твердых согласных основывается на недиссимилятивном принципе: здесь преимущественно представлено сильное аканье. Однако большинству этих говоров в прошлом была свойственна диссимилятивная организация системы вокализма.

8. Все типы вокализма 1-го предударного слога, характерные для «первично акающих» говоров, имели в своей основе архаические разновидности аканья и яканья, по разному реагирующие на гласные верхнего и верхне-среднего подъемов, с одной стороны, и на гласные среднего и нижнего подъемов – с другой. В региональных вариантах трансформация архаического вокализма происходила неодинаково, однако изменения на первом этапе всегда захватывали позиции перед ударными гласными /о/, /е/, /ѣ/, /ѡ/: это характерно для формирования многих вторичных типов аканья и яканья.

9. Существуют универсальные факторы изменения и развития систем предударного вокализма, которые можно разделить на три основных типа.

I. **Фонетические факторы.** Основным фонетическим фактором является регрессивная ассимиляция предударных гласных ударным гласным. Наибольшее влияние в рамках общей структуры вокализма ассимилятивные процессы оказывают на системы с противопоставлением в 1-м предударном слоге [а] – не-[а], преимущественно на системы архаического аканья и яканья задонской разновидности. Ассимиляция влияет и на многие другие системы предударного вокализма, однако ее действие ограничено одним условием: наличием в 1-м предударном слоге корреляции [и] – не-[и], которая определяется фонологическими, грамматическими и лексическими закономерностями.

II. **Фонологические факторы.** Основным фонологическим фактором, влияющим на произношение гласных в 1-м предударном слоге, оказывается воздействие мягкости следующего за ним согласного. Условно тенденцию к произношению [и] перед мягкими согласными можно назвать **тенденцией к «умеренности»**, результаты этого процесса проявляются в системах умеренного, диссимилятивно-умеренного и суджанского диссимилятивного яканья. Важно отметить, что тенденция к «умеренности» затрагивает только позицию перед мягкими согласными; перед твердыми согласными действуют другие закономерности, а на выбор предударного гласного влияют другие факторы.

III. **Грамматические и лексические факторы.** К грамматическим факторам относятся особенности звукового оформления различных форм суще-

ствительных, прилагательных, местоимений, глаголов, к лексическим – специфика произношения отдельных слов, имеющих постоянный ударный гласный основы. Эти факторы играют важную роль при формировании щигровского типа диссимилятивного яканья; кроме того, тенденции к выравниванию звукового оформления парадигмы или к закреплению гласного основы слова действуют при суджанской разновидности диссимилятивного яканья, а также при новосёлковском типе ассимилятивно-диссимилятивного яканья. Особенностью этих систем является наличие в говоре противопоставления [и] – не-[и], которое способствует сохранению гласного [и] в 1-м предударном слоге.

Актуальность настоящего диссертационного исследования обусловлена рядом факторов:

1) отсутствием комплексного описания южнорусских диалектных систем различной локализации, включающего в себя не только изучение моделей вокализма 1-го предударного слога, но выявляющего связи между всеми вокальными компонентами фонетического слова и типами ритмической организации слова;

2) необходимостью подробного анализа типов ударного и предударного вокализма на современном этапе развития диалектов (более чем через 50 лет после сбора материала для Диалектологического атласа русского языка);

3) недостаточным количеством диалектологических исследований, выполненных с использованием инструментальных методов, которые позволяют проверить фонетические явления и уточнить фактические данные, что необходимо для объективного «изучения звуковой системы как в синхроническом, так и в диахроническом плане»³;

4) важностью сопоставления результатов исследования вокалических систем с данными литературного языка для выявления основных, универсальных векторов развития;

5) необходимостью всестороннего обследования и описания диалектного материала в условиях все расширяющейся экспансии литературного языка и одновременного сокращения сферы функционирования народных говоров.

Цель работы заключается в комплексном анализе систем вокализма, распространенных на территории «первично акающих» южнорусских говоров. Для ее достижения поставлены конкретные **задачи**:

1) выделить основные разновидности словесных ритмических структур, свойственных южнорусским говорам различной локализации, интерпретировать их значимость для систем предударного вокализма;

2) сформировать иерархию основных характеристик гласного звука, определяющих его специфику в рамках фонетического слова: *тембр, длительность, интенсивность, тон, напряженность*;

---

³ *Высотский С.С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967, с. 5.

3) наметить основные диалектные различия в структуре «трапецидов» гласных при семифонемной системе вокализма; определить характер связи между системами ударного вокализма и вокализма 1-го предупредного слога;

4) выявить особенности структуры типов предупредного вокализма а) после твердых согласных, б) после мягких согласных; уточнить структурно-типологическую классификацию различных моделей аканья-яканья;

5) обосновать взаимосвязь между системами корреляции звукотипов в 1-м предупредном слоге и возможностью действия фонетических, фонологических, грамматических и лексических факторов развития вокалических моделей;

6) определить динамику и основные закономерности развития систем аканья-яканья;

7) показать генетические связи между отдельными диалектными зонами, поскольку многие конкретные физические характеристики звукового строя, а также просодические модели – наиболее устойчивые черты фонетической системы, сохраняющиеся в ходе эволюции.

Новизна предлагаемого подхода к изучению эволюционных процессов в области русского вокализма обуславливается многофакторным характером анализа материала, этот метод позволяет учесть не только ведущие тенденции развития, но всю совокупность взаимосвязанных элементов, отдельных отклонений, свидетельствующих о действии других тенденций, потерявших свою продуктивность. Наличие вариативных элементов в рамках частной системы вокализма может быть обусловлено не только комбинаторным воздействием фонетического контекста, но также просодическими условиями, особенностями артикуляционной базы говора, действием грамматических и лексических факторов, наличием нескольких подсистем, сосуществующих в пределах одного говора.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке метода многофакторного комплексного анализа, в определении его основных параметров, а также в возможности применения методики комплексного анализа к частным системам вокализма, обладающим определенной структурной спецификой. Применение методики многофакторного анализа позволит раскрыть собственно лингвистические механизмы развития южнорусских вокалических систем, действующие в русле основных закономерностей развития фонетики русского языка.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при написании соответствующих разделов в обобщающих научных исследованиях, посвященных анализу синхронного состояния и динамики русских диалектных систем, в учебных пособиях по русской диалектологии, а также при составлении лингвистических карт и атласов. Основные положения работы могут стать методологической базой для монографического описания частных диалектных систем, а также для разработки специальных вопросников для сбора соответствующего фонетического материала.

Методологической основой исследования является концепция МФШ в ее современном варианте, а также работы диалектологов и историков языка. Проблемы изучения русских вокалических систем представлены в трудах Р.И. Аванесова, З.М. Альмухамедовой, Н.А. Волковой, С.С. Высотского, Н.Н. Дурново, К.В. Горшковой, К.Ф. Захаровой, Л.Э. Калнынь, Л.Л. Касаткина, Р.Ф. Касаткиной, С.И. Коткова, В.Н. Сидорова, Т.Ю. Строгановой, В.Н. Тепловой, Т.Г. Фоминой, В.Н. Чекмонаса и некоторых других ученых.

Исследование написано на **материале**, собранном автором во время диалектологических экспедиций в 1996–2012 гг., в ходе которых были сделаны магнитофонные записи в более чем 60 населенных пунктах, представляющих различные диалектные группы Южнорусского наречия. Кроме того, для анализа были привлечены магнитофонные записи из фонотеки Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, созданной С.С. Высотским и постоянно пополняемой многими диалектологами – участниками экспедиций, в том числе и автором работы. Обработка звукового материала осуществлялась при помощи компьютерной программы акустического анализа PRAAT. Также привлекались архивные рукописные материалы Диалектологического атласа русского языка (далее ДАРЯ).

При работе с диалектным материалом использовались следующие **методы исследования**: слухоаналитический и инструментальный методы анализа звучащей речи, описательный, или дистрибутивный (при анализе позиционного распределения гласных), этимологический (при выявлении фонемного состава слова на уровне диахронии), сравнительно-сопоставительный (при соотношении определенной диалектной системы с другими диалектными системами, а также системой стандартного литературного языка), количественно-статистический (при выявлении частотности вариантов).

Основные положения работы прошли **апробацию на международных научных мероприятиях**: на симпозиуме «Тексты устной спонтанной речи», организованном Норвежским университетским центром в Санкт-Петербурге в 1998 г., на семинаре «The Convergence and Divergence of Dialects in a Changing Europe», проведенном Европейским научным фондом в г. Малага (Испания) в 1998 г., на конференции «Активные языковые процессы конца XX века. IV Шмелёвские чтения» (Москва, 2000 г.), на конференции «Русистика на пороге XXI века: Проблемы и перспективы» (Москва, 2002 г.), на пяти конференциях «Фонетика сегодня» (Звенигород, 2003, 2005, 2007, 2010, 2013 гг.), на четырех конференциях «Актуальные проблемы русской диалектологии» (Звенигород, 2004, 2006, 2009 гг., Москва, 2012 г.), на совещаниях «Фонетический аспект изучения славянских языков» и «Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде», организованных Институтом славяноведения РАН в 2008 и 2009 гг., на конференции «Aktualne problemy dialektologii slowiańskiej» (Познань, 2010 г.), а также на многих других научных мероприятиях.

Логика решения исследовательских задач отражена в **структуре диссертации**. Она состоит из введения, шести глав («Ритмическая структура слова в южнорусских говорах», «Системы ударного вокализма в южнорусских говорах», «Архаические типы диссимилятивного аканья и яканья», «Щигровский, дмитриевский и суджанский типы диссимилятивного яканья; прохоровский тип диссимилятивного аканья», «Диссимилятивно-умеренный и умеренный типы яканья; белёвский тип диссимилятивного аканья», «Ассимилятивно-диссимилятивные типы аканья и яканья»), заключения, списка использованной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, формулируются его основная цель и задачи, характеризуются методы и материал работы, обосновывается научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность результатов исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту, сообщаются сведения об апробации результатов, описывается структура диссертации.

Первая глава «Ритмическая структура слова в южнорусских говорах» посвящена выявлению взаимосвязи между единицами сегментного и суперсегментного уровней. К числу отличительных признаков фонетического строя каждой языковой системы принадлежит характеризующий его вид звуковой (ритмической) структуры слова. Как известно, в русском литературном языке ритмическая структура слова описывается «Формулой А.А. Потебни»: 1–2–3–1–1, где цифрой 3 обозначается ударный гласный, цифрой 2 – гласный 1-го предударного слога, цифрой 1 – остальные безударные гласные. Эти числовые выражения были получены А.А. Потебней на основании распределения количества между ударным гласным и безударными гласными.

Как показали позднейшие исследования, основными характеристиками гласного звука, формирующими его специфику в рамках фонетического слова, являются *тембр, длительность, интенсивность, тон и напряженность*.

Ритмическая структура фонетического слова непосредственно участвует в формировании произносительной программы, которая определяет основные правила линейной организации звуковой последовательности. В первую очередь это положение касается интерпретации русского предударного вокализма. Анализ различных вокалических систем (прежде всего аканья-яканья) затруднен или просто невозможен в отрыве от просодических характеристик слова и фразы, поскольку «сегментные характеристики предударных гласных неотделимы от суперсегментного (просодического) уровня высказывания»⁴.

В параграфе 1.1 рассмотрены основные типы словесных ритмических структур в русских говорах. Обычно выделяются три основных ритмических

---

⁴ Касаткина Р.Ф. Московское аканье в свете некоторых диалектных данных // ВЯ. 2005. № 2, с. 44.

контур: волнообразный контур, контур «сильный центр и слабая периферия», а также «смешанный», или «совмещенный», контур, предполагающий определенное сочетание двух предыдущих структур. В русских говорах отмечен еще один ритмический контур, предполагающий слабовыраженную двуступенчатость; этот тип ритмической организации слова принято называть «рубленной» речью, или «стаккато». Для Южного наречия характерны две ритмические модели: «совмещенный» контур, а также контур «сильный центр и слабая периферия»; первый характеризует говоры юго-западной диалектной зоны, второй – говоры юго-восточной зоны. Эти ритмические модели слова определяют наличие в этих диалектных ареалах двух принципиально разных типов предударного вокализма: *диссимилятивного* и *сильного* аканья.

Параграф 1.2 посвящен описанию структуры «совмещенного» ритмического контура. Эта динамическая модель формируется определенной комбинацией значимых параметров, присущих вокальным компонентам слова. Как известно, диссимилятивный принцип проявляется в расподоблении гласных акцентного ядра слова по тембру, а также в их особом распределении по силе и долготе. Существуют различные подходы к определению основного механизма, лежащего в основе подобной системы: одни исследователи считают, что наибольшей стабильностью при диссимилятивном вокализме обладают тембровые характеристики гласных (И.Л. Сталькова, А.М. Красовицкий), другие – их количественные параметры (Л.Л. Касаткин, Т.Г. Фомина).

Эта разница в интерпретации связана с неоднородностью привлекаемых материалов, их различной диалектной локализацией. Общий анализ словесных ритмических моделей в говорах с диссимилятивным аканьем-яканьем свидетельствует о том, что структура «совмещенного» ритмического контура основана на сложной системе связей между вокальными компонентами фонетического слова, то есть на комплексном соотношении характеристик ударного гласного и безударных гласных. Помимо количественных и качественных параметров гласных, в организации подобной системы важную роль играют также особенности мелодического оформления фонетического слова.

Нестабильность соотносительных характеристик ударного и предударного гласных особенно ярко проявляется в некоторых фразовых позициях, когда стандартная структура фонетического слова деформируется рамками просодии более широкого фразового контекста. Прежде всего это касается слов, входящих в рематическую группу, поскольку размещение фразового акцента связано с маркированием ремы, или фокуса, высказывания. Интонационный центр, приходящийся на один из компонентов ремы, способствует удлинению и усилению гласного 1-го предударного слога, а также понижению значения его F_1 . Подобное усиление предударного гласного обычно маркируется также особым мелодическим оформлением: ровным высоким тоном, который понижается на ударном гласном, тогда как при нейтральном произношении ударный [а] в интонационном контуре занимает более высо-

кое положение, чем гласный 1-го предударного слога [э]. Тональное выделение 1-го предударного слога – один из важнейших способов просодического маркирования слова в говорах с диссимилятивной организацией вокализма.

В некоторых южнорусских архаических говорах наличие тонального акцента на 1-м предударном слоге может создавать перцептивный эффект переноса ударения на предударный гласный (прежде всего сказанное касается слов с ударными гласными верхнего подъема). Подобная особенность отмечена в говоре с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. Значительное усиление 1-го предударного гласного, а также его выделенность прежде всего достигаются увеличением таких показателей, как тон и напряженность, в меньшей степени – длительность и интенсивность. Эффект ударности создается резким повышением тона на предударном гласном и его падением на ударном; значительная напряженность 1-го предударного гласного проявляется в четкости и насыщенности его формантной структуры (при ее невыразительности у гласного под основным ударением).

Диссимилятивный принцип затрагивает не только акцентное ядро слова, но и 2-й предударный слог; подобное чередование «сильных» и «слабых» слогов, как правило, отмечается в нейтральной просодической позиции, главным образом, в срединном положении во фразе. Материалы, собранные в различных южнорусских говорах, свидетельствуют о том, что предударные гласные могут расподобляться по тембру, силе (интенсивности) и длительности, но чаще – сразу по нескольким признакам.

Фиксация подобной диалектной черты в архаических южнорусских говорах различной локализации свидетельствует о ее более широком распространении в прошлом, а также о древности описываемого явления. Этот ритмический контур представлен в словах структуры СГСГСГ(С) и выявляется только при определенных просодических условиях: «в контексте без яркой эмоциональной окраски, в речи повествовательного стиля»⁵.

Иногда диссимилятивная зависимость наблюдается в 3-м предударном слоге; например, в русском говоре с. Татарыцы в Болгарии Л.Л. Касаткин отметил формы: *дэ салэвја́, пэкавар'ат', на лэшад'эй, нан'ур'ал'эз'л'и*⁶. Качество заударных гласных также может зависеть от качества ударных гласных. Так, в архаических говорах Семилукского р-на Воронежской обл. сокращение длительности заударных гласных как бы обратно пропорционально длительности ударенных гласных: при большей собственной длительности ударного гласного заударный гласный в одной и той же фонетической позиции имеет меньшую абсолютную и относительную длительности и наоборот.

---

⁵ *Высотский С.С.* О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С.В. Бромлей. М., 1973, с. 31.

⁶ *Касаткин Л.Л.* Русский говор села Татарыца в Болгарии // Русские старообрядцы: Язык, культура, история / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 2008, с. 120.

В параграфе 1.3 проводится анализ редуцированных моделей в говорах с «сочиненным» ритмическим контуром. В говорах с диссимилятивной организацией вокалической системы фонетическая программа слова предопределяет бóльшую функциональную значимость безударных гласных, чем в системах с резким противопоставлением акцентного ядра остальным гласным слова. Бóльшая вовлеченность безударных гласных (прежде всего гласных предцентровой части) в позиционные чередования, а также сильная взаимозависимость вокальных компонентов обуславливают слабую распространенность в диалектных системах с диссимилятивным вокализмом редукации гласных до нуля, особенно редко диереза гласных встречается в предударных слогах.

Например, в говорах Верхнедонского р-на Ростовской обл., характеризующихся жиздринским диссимилятивным аканьем и щигровским диссимилятивным яканьем, полная редукация 2-го предударного гласного наблюдается исключительно при наличии 3-го предударного слога, как правило, в приставке пере-: *n'ir'жылá, n'ir'пукáл'и*. Значительно чаще диереза гласных отмечается в заударной части слова: *расплѣх(о), с мужжám'(и), бѣл'и(е)* и т.д.

В калужских говорах с архаическим диссимилятивным аканьем и архаическим диссимилятивно-умеренным яканьем диереза гласных фиксируется еще реже, чем в донских; самым слабым здесь оказывается 1-й заударный гласный в структуре (СГ)СГСГСГ(С): *дѣс(о)ч'к'и, рѣбѣт(а)ла, ад'и́н(а)цат'*.

Очевидно, что редуцированные модели, характерные для калужского и донского говоров с диссимилятивным аканьем, имеют принципиальные отличия, которые связаны с особенностями ритмической организации слова. Диереза гласных в донских говорах отмечается в любом заударном слоге (наиболее часто – в открытом ауслaute) и связана с функциональной неравноценностью предцентровой и постцентровой частей слова. Усиление его начальной части провоцирует понижение подъема гласных 1-го и 2-го предударных слогов и появление в этих позициях *a*-образных звуков независимо от гласного под ударением, что характерно для сильной фразовой позиции. В результате развития указанной тенденции звукотип [a] с усилением F₁ в области 740–850 Гц становится основной реализацией фонем /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге, в том числе и перед ударным [a]; во 2-м предударном слоге довольно часто произносятся гласные [a̘] и [a] с F₁ 690–830 Гц. Эти предударные гласные сближаются по интенсивности и значению F₁, но продолжают противопоставляться по долготе: в среднем длительность 2-го предударного гласного составляет 70 % длительности 1-го предударного. Прежняя структура акцентного ядра слова, основанная на диссимилятивном принципе, также сохраняется, однако теперь она основана исключительно на противопоставлении долготных характеристик: длительность гласных 1-го предударного слога [ə], [a̘], [a] в позиции перед [á] в среднем составляет чуть более 50 % длительности ударного гласного.

Конкуренция старой (диссимилятивной) и новой (ассимилятивной) связей, оформляющих фонетическое слово в целостную единицу, свидетельствует о нестабильности словесной ритмической структуры. Долгие и краткие слоги в этой системе противопоставляются не всем комплексом черт, а лишь единственным признаком, тогда как соотношение других признаков указывает на существенные изменения, связанные с синтагматикой гласных в местном говоре, где формируется не только новая произносительная программа слова, но и его особая ритмическая модель. Параллельно с появлением в донских говорах перед ударным [a] звуков [ạ] и [a] на месте более раннего [ə] происходит модификация и традиционной ритмической структуры слова. Такое направление изменений неслучайно: даже в говорах с последовательно проведенной системой диссимилятивного аканья гласные в заударных слогах подвержены значительно большей качественной редукции, чем в предупредных.

На основе «совмещенного» ритмического контура формируется новый контур, который можно определить как «сильная предцентровая и слабая постцентровая части» и который является переходной моделью к контуру «сильный центр и слабая периферия». В результате этого изменения происходит совпадение позиционных вариантов «совмещенного» тонального контура в унифицированной модели:

$$\underbrace{\text{a-}\acute{\text{a}}\text{-}\acute{\text{Г}}\text{-}\acute{\text{a}} \ (\acute{\text{Г}}=\acute{\text{a}}) \sim \acute{\text{a}}\text{-}\text{a}\text{-}\acute{\text{Г}}\text{-}\text{a} \ (\acute{\text{Г}}=\acute{\text{и}}, \acute{\text{ы}}, \acute{\text{у}}, \acute{\text{е}}, \acute{\text{о}})}_{\text{я}\text{-}\bar{\text{a}}\text{-}\acute{\text{Г}}\text{-}\emptyset \ (\acute{\text{Г}}=\text{любой ударный гласный})}$$

Практически полное отсутствие редукции безударных гласных до нуля в калужских говорах связано с более слабой, чем в литературном языке и во многих других южнорусских диалектных системах, противопоставленностью ударного слога безударным. Сильная редукция гласных, которая спорадически отмечается в заударном неконечном слоге, обусловлена не слабостью постцентровой части, а особым выделением гласного в ауслaute, что по правилам диссимилятивной организации вокализма значительно ослабляет предшествующий ему слог. Так, в говоре Кирейкова Ульяновского р-на Калужской обл. конец слова в некоторых просодических позициях отличается значительным усилением последнего гласного, что отмечается как в абсолютном конце высказывания, так и у некоторых словоформ, находящихся внутри фразы.

В первом случае усиление конечного гласного служит для выражения коммуникативного типа высказывания и обычно сопровождается отсутствием падения основного тона на последнем гласном; во втором – выполняет делимитативную функцию, отделяя друг от друга отдельные слова или речевые периоды.

Количественные и качественные характеристики гласного в ауслaute регламентируются правилами, актуальность которых проявляется на суперсег-

ментном уровне. Во-первых, эта особенность связана с наличием в калужском говоре особой интонационной модели, повествовательной конструкции, выражающей завершенность (ТК-1.1 по классификации Л.Л. Касаткина). Однако ее мелодический рисунок представляет не нисходящую кривую, как в литературном языке, а средний уровень движения тона при отсутствии его падения (или даже при небольшом подъеме) на последнем слоге.

Во-вторых, усиление ауслаута в позиции начала или середины синтагмы подчеркивает интонационную самостоятельность фонетических слов, включенных в общий мелодический контур фразы. Для исследуемого говора характерна меньшая, чем для русского литературного языка, степень интегрированности мелодического контура во фразе, что обусловлено тенденцией к пословному мелодическому оформлению речевых периодов.

Существенное увеличение количественных показателей последнего гласного приводит не только к изменению его формантных характеристик, но обуславливает также модификацию словесной ритмической модели. Новый тональный контур сохраняет волнообразный характер, однако его структурные особенности определяются не качеством ударного гласного, а положением того или иного слога по отношению к ауслауту. Долгий и сильный конечный слог становится центром тонального контура, определяющим систему соотношения вокальных компонентов в рамках фонетического слова.

Слог, предшествующий сильному ауслауту, значительно редуцируется, этому не препятствует даже его маркирование словесным ударением. Редукция до вокалического нуля обычно характеризует 1-й заударный неконечный слог, предшествующий ауслауту. Диереза возможна только в сильной фразовой позиции, при значительном усилении последнего слога, тогда как при нейтральном произнесении прежняя ритмическая структура слова сохраняется.

В параграфе 1.4 представлена интерпретация случаев нарушения «совмещенного» ритмического контура. Появление в определенных просодических позициях «сильноконечного» контура под влиянием особенностей интонационного оформления фразы лишь повышает вариантность ритмической структуры, но не ведет к системным изменениям. Развитие контура «сильная предцентровая и слабая постцентровая части» уменьшает вариативность предударных гласных по ряду параметров, прежде всего – гласного 1-го предударного слога, а следовательно, способствует формированию нового контура «сильный центр и слабая периферия». Необходимо отметить, что постепенное устранение оппозиции кратких и долгих слогов в пределах акцентного ядра свойственно многим говорам с диссимилятивными типами аканья.

Прежняя динамическая модель слова может сохраняться благодаря комплексному соотношению основных характеристик, присущих ударному и предударному гласным; эти характеристики слабо контрастируют по отдельности, но в совокупности и во взаимодействии составляют словесную ритмическую структуру, свойственную диссимилятивной системе вокализма.

Постепенное «размывание» традиционной динамической структуры слова приводит к изменениям синтагматических отношений между его вокальными компонентами; появление гласного [э] в 1-м предударном слоге начинает определяться не ритмикой слова, а просодией фразы. Подобная переориентация обусловленности чередования безударных гласных со словесного на фразовый уровень ведет к значительному снижению их функциональной нагрузки, к изменению частотности и значимости звукотипов [a] и не-[a].

Параграф 1.5 посвящен описанию структуры ритмического контура «сильный центр и слабая периферия». Его развитие обуславливает смену типа предударного вокализма, а также способствует унификации основных качественных и количественных характеристик гласных 1-го предударного слога. В южнорусских говорах эта тенденция проведена с различной степенью последовательности, следы диссимилятивного вокализма, обнаруживающиеся в диалектных системах с сильным аканьем, свидетельствуют о былом распространении «совмещенного» ритмического контура не только на юго-западных, но и на юго-восточных территориях.

В параграфе 1.6 дана диахроническая интерпретация представленного материала. Предположительно динамическая структура слова в древнерусском языке оформлялась при помощи волнообразного ритмического контура, что было характерной особенностью «далекого предка не только восточнославянских наречий, но и славянской группы в целом»⁷. Подобный ритмический контур предполагает усиление гласного через слог, то есть имеет вид [̣̣ ∪ ̣̣]⁸. Длительность вокального компонента определяется его местом в общей структуре слова; гласные 2-го предударного и 2-го заударного слогов оказываются более длительными и интенсивными, чем гласные в слогах, непосредственно примыкающих к ударному. Очевидно, что данная модель была основана на контактной фонетической связи, которая «имела приоритетное значение в прасл<авянской> ситуации допустимости только открытых слогов»⁹.

Следы подобного фонетического оформления слова отмечаются в некоторых севернорусских говорах, а также в украинском, польском, чешском, словацком, серболужицком и болгарском языках.

Развитие «совмещенного» тонального контура на базе прежнего волнообразного контура происходило параллельно с развитием в этих говорах нейтрализации безударных гласных неверхнего подъема и было обусловлено изменением традиционной вокальной модели слова. Резкое сокращение различительных единиц в результате унификации дифференциальных признаков безударных гласных неверхнего подъема делало фонетическую систему в целом неустойчивой. Развитие динамического контура нового типа способствовало укреп-

---

⁷ Кузнецов П.С. К вопросу о происхождении аканья // ВЯ. 1964. № 1, с. 35.

⁸ Знак [̣̣] обозначает долгий гласный, [∪] – краткий гласный.

⁹ Калнынь Л.Э. Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001, с. 11.

лению стабильности системы, повышению информативности безударных гласных. В основе новой динамической модели лежал компенсаторный механизм: чем ниже подъем ударного гласного, тем выше его собственная длительность; соответственно, чем выше его длительность, тем более короткие звуки произносятся в 1-м предударном слоге и тем более длинные – во 2-м предударном. Вместо старого контактного типа «связи звука с предшествующим сегментом» появляется дистактная связь, основанная «на том, что выбор предшествующего звука определяется антиципацией следующего сегмента»¹⁰.

В ходе дальнейшего развития фонетической системы всё многообразие вариантов было сведено к двум унифицированным схемам в зависимости от гласного под ударением: [а ъ ´] и [ѣ а ˘]. В результате формируется диссимильная система вокализма, которая характеризуется прочной связью между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога. «Сильный центр» противопоставлен «слабой периферии» только в части позиций. Однако низкая степень редукции звука [э] и тенденция к его усилению и удлинению в 1-м предударном слоге также свидетельствуют о стремлении к просодической выделенности центральной части слова.

Наибольшего развития тенденция к выделению акцентного ядра слова достигла в юго-восточной зоне, где происходит системное изменение динамической модели. Прежде структура фонетического слова оформлялась особым способом, совмещающим волнообразный контур с контуром «сильный центр и слабая периферия». Постепенно последний контур становится в ряде диалектных систем доминирующей моделью и распространяется на все позиции – вне зависимости от конкретных характеристик ударного гласного. Благодаря новой ритмической модели завершается формирование акцентного ядра слова, и «просодически активная» центральная часть становится резко противопоставленной всем другим безударным слогам.

В параграфе 1.7 вводится понятие варианта словесной ритмической структуры. Так, в говорах с ритмическим контуром «сильный центр и слабая периферия» длительность гласного 1-го предударного слога может «составлять от 70 % до 120 % от длительности ударного»¹¹. При этом любое, даже самое незначительное изменение парадигмы вариантов словесной ритмической структуры приводит к модификации и вокалической модели. Эта взаимозависимость между единицами сегментного и суперсегментного уровней рассмотрена на материале говоров северо-западного ареала с их разнообразием типов предударного вокализма. Как известно, диалектные объединения северо-западного ареала характеризуются совмещением неполного оканья, переходных типов окающе-акающего вокализма гдовского и полновского типов с сильным (недиссимильным) аканьем и яканьем.

---

¹⁰ Калнынь Л.Э. Указ. соч., с. 122.

¹¹ Князев С.В. Русская диалектная фонетика. Учебное пособие. М., 2008, с. 9.

Проблемы происхождения гдовского и полновского типа неполного оканья рассматриваются в параграфах 1.8–1.11. Существует мнение, что эти типы предударного вокализма сформировались в результате «включения в систему различения этимологических гласных в безударном положении диссимилятивного принципа – неразличения этимологических гласных в безударном положении»¹². Результаты инструментального анализа системы вокализма полновского типа, отмеченной в русском говоре д. Желáчек (Эстония), позволяют прийти к иному выводу: развитие нейтрализации фонем /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге при гдовском и полновском типах вокализма напрямую связано с модификацией словесной просодической модели. Ритмическая структура становится «более “эластичной”, “подвижной”, более чутко реагирующей на интонационные факторы», что свойственно говорам Гдовщины¹³. В результате складывается сложная просодическая система с распределением нескольких вариантов, представляющих собой позиционные модификации единой ритмической модели «сильный центр и слабая периферия».

Выделение просодического ядра и его противопоставление всем другим гласным слова, что характерно для говоров с неполным оканьем владимирско-поволжского типа, привело к формированию той динамической модели, которую В.Н. Чекмонас называет гиперфонией. Усиление нейтрализации гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге за счет увеличения числа позиций неразличения связано с появлением новых связей между гласными акцентного ядра, с распространением новых динамических моделей – олофонии и плерофонии, которые отличаются от гиперфонии сокращением длительности предударных гласных при отсутствии их качественной редукции.

Устранение гиперфонии происходит постепенно, и дольше всего она сохраняется перед ударными гласными верхнего подъема. Именно эта особенность, а также более быстрое распространение плерофонии в позиции перед ударным [a] типологически (но не генетически) сближает переходные гдовские говоры с юго-западными русскими и северо-восточными белорусскими говорами, которым присуще диссимилятивное аканье жиздринского типа.

Переход от неполного оканья к сильному аканью обусловлен не столько большей структурной простотой последнего (как считают некоторые исследователи), сколько особенностями ритмико-просодической организации слова в псковских говорах. Сформированный ритмический контур «сильный центр и слабая периферия» способствует усилению и «выделению» гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге, а также минимизирует вариативность их количественных и качественных показателей. В результате происходит распространение единого звукотипа [a], реализующего фонемы неверхнего

---

¹² Строганова Т.Ю. Западные среднерусские говоры // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / Отв. ред. В.Г. Орлова. М., 1970, с. 451.

¹³ Чекмонас В.Н. Аканье и оканье в северной части Псковской области (полновские говоры) // *Kalbotyra* 47 (2). *Slavistica Vilmensis*, 1998, с. 115.

подъема, и унификация его характеристик, прежде всего долготы и интенсивности. В этих говорах нет предпосылок для появления ритмического контура, предполагающего сложную систему соотношений между гласными акцентного ядра слова, что свойственно говорам с диссимилятивным вокализмом.

В параграфе 1.12 формулируются основные выводы.

Глава 2 посвящена описанию систем ударного вокализма в южнорусских говорах. Одной из наиболее ярких особенностей, характеризующих фонетические системы архаических русских говоров, является сохранение противопоставления /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/. Анализ образцов диалектной речи свидетельствует о высокой вариативности характеристик гласных, реализующих эти фонемы, что может выражаться в изменении их формантных областей, а также в различных соотношениях между компонентами неоднородных вокальных образований. Появление этих вариантов может быть обусловлено комбинаторным воздействием фонетического контекста, фразовой позицией, особенностями артикуляционной базы говора, а также сосуществованием в пределах одного говора нескольких фонологических подсистем.

В параграфе 2.1 представлены диалектные различия в структуре «трапецоида» гласных при семифонемной системе вокализма применительно к севернорусским и среднерусским говорам, которые выявлены в известной статье С.С. Высотского¹⁴. В параграфе 2.2 рассмотрены пять основных типов семифонемных систем, характерных для южнорусских говоров. Качественная характеристика аллофонов /ѣ/ и /ѡ/ дана в параграфе 2.3. Основными реализациями фонем /ѣ/ и /ѡ/ в южнорусских говорах должны быть признаны восходящие дифтонги [иѣ] и [уѡ]. Первые компоненты этих дифтонгов не отличаются от аллофонов /и/ и /у/. При этом значения F₁ первой части дифтонга [уѡ] несколько превышают аналогичные значения [иѣ], что отражает соответствующие отношения между реализациями /у/ и /и/.

Последняя фаза дифтонгов на месте /ѣ/ и /ѡ/ также не отличается от характерной части монофтонгов, реализующих фонемы /е/ и /о/. Поэтому несимметричность по уровню подъема, свойственная основным реализациям /е/ и /о/, характерна и для вторых компонентов соответствующих дифтонгов; приблизительно в половине случаев дифтонг на месте фонемы /ѡ/ завершается гласным средне-нижнего подъема [ɔ]. В том случае, если в говоре в соответствии с фонемой /е/ отмечено произношение звука [ɛ], последняя фаза дифтонга [иѣ] также может локализоваться в зоне средне-нижнего подъема.

Скольжение тембра сложных гласных [иѣ] и [уѡ] происходит за счет постепенного понижения подъема с плавным нарастанием интенсивности, их начальные и-образный и у-образный участки, как правило, составляют не менее половины общей длительности дифтонга, при этом максимум интенсивности приходится на второй элемент звукового комплекса, что и создает его

---

¹⁴ Высотский С.С. Определение состава гласных фонем...

слоговость. Таким образом, в большинстве южнорусских диалектных систем неоднородный гласный, реализующий фонемы /ѣ/ и /ѡ/, характеризуется восходящей силовой структурой, а также сильноконечным образованием.

Иногда фонемы /ѡ/ и /ѣ/ реализуются дифтонгоидами [уѡ] и [иѣ] с незначительным изменением тембра, на слух эти гласные воспринимаются как монофтонги верхне-среднего подъема. Подобные дифтонгоиды с неконтрастным противопоставлением частей представляют собой переходные звукотипы и появляются в результате монофтонгизации соответствующих дифтонгов, что приводит к общей деградации семифонемной системы вокализма.

Монофтонгизация дифтонгов не всегда приводит к утрате оппозиций /ѣ/ ~ /е/, /ѡ/ ~ /о/. Во-первых, зоны рассеивания /ѣ/ и /ѡ/, локализующиеся в области верхне-среднего или среднего подъема, могут не смешиваться с зонами рассеивания /е/ и /о/ благодаря общему увеличению артикуляционного пространства. Так, понижение основных реализаций фонем /е/, /о/ и /а/, наблюдающееся в говоре с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл., способствует стабильному сохранению семифонемной системы вокализма в целом.

Во-вторых, противопоставление монофтонгов на месте /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/ может последовательно проводиться в говорах, сохраняющих общую напряженную артикуляционную базу; подобная особенность отмечена в говоре с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.

В параграфе 2.4 представлена качественная характеристика аллофонов /е/ и /о/. В отличие от /ѣ/ и /ѡ/, фонемы /о/ и /е/ в южнорусских архаических говорах не имеют обобщенного звукотипа определенной структуры и могут реализовываться целым спектром различных гласных. Аллофоны этих фонем обладают одной характерной особенностью: все они отличаются резким возрастанием интенсивности в начальных фазах гласного и максимальной концентрацией энергии в его центральной части. Как правило, у этих гласных образований отсутствуют начальные переходные элементы, в результате чего характерный тембр звукотипа достигается в его первых же сегментах. Кроме того, аллофоны /е/ и /о/ имеют слабую степень аккомодации с предшествующим согласным, что также обуславливает специфику их звучания.

Фонемы /е/ и /о/ отличаются от соответствующей пары /ѣ/ и /ѡ/ также качеством предшествующего согласного: перед различными реализациями /е/ обычно произносятся твердые согласные или согласные с более слабой степенью смягчения, перед реализациями /ѣ/ – мягкие согласные; перед реализациями /о/ – согласные с низкой степенью лабиализации, перед /ѡ/ – сильно лабиализованные согласные.

Основными аллофонами /е/ и /о/ в южнорусских говорах следует признать гласные [e] и [ɔ]. Широкое распространение систем с несимметричным уровнем подъема гласных на месте /е/ и /о/ обусловлено следующей особенностью: при наличии «одинакового числа фонем в передней и задней сериях зоны безопас-

ности оказываются уже в задней области, чем в передней, и этим частично объясняются различия в поведении этих двух серий»¹⁵.

В некоторых говорах с семифонемным вокализмом проявляется тенденция к симметризации отношений между гласными 2-го уровня подъема. Она развивается в двух направлениях. Во-первых, симметризация может быть достигнута за счет последовательного перехода основного звукотипа, реализующего фонему /o/, в зону среднего подъема, что отмечено в говоре с. Татарино Каменского р-на Воронежской обл. Во-вторых, тенденция к симметричности отношений может приводить к появлению на месте фонемы /e/ гласных средне-нижнего подъема, что характерно, например, для говора с. Солдатское.

Большинству южнорусских диалектных систем свойственна принципиальная монофтонгичность аллофонов /e/ и /o/ при их возможной непоследовательной дифтонгизации только в сильной фразовой позиции, где эти фонемы могут реализовываться дифтонгоидами с первой более открытой и длинной фазой и второй – более короткой и закрытой. Значения F_1 первой и второй частей дифтонгоидов в среднем отличаются не более чем на 100 Гц, эти гласные имеют *e*-образный и *o*-образный тембр на всем своем протяжении. Длительность второй более закрытой части составляет около 30 % от длительности первой.

Со становлением категории твердости-мягкости согласных в южнорусских говорах связано появление на месте /e/ открывающихся дифтонгических образований типа [иэ], в результате происходит расширение зоны неразличения /ѣ/ и /e/. Параллельно разрушается оппозиция /ω/ ~ /o/, что проявляется в появлении *y*-образного начала у аллофонов /o/. Развитие этих процессов приводит к становлению пятифонемной системы вокализма, сохраняющей лишь отдельные рефлексыв противопоставления /ѣ/ ~ /e/ и /ω/ ~ /o/.

Качественная характеристика аллофонов /и/ и /у/ дана в параграфе 2.5. Во многих южнорусских говорах эти фонемы реализуются звуками пониженного образования. Особенно часто гласные пониженного верхнего или верхне-среднего подъема отмечаются на месте /у/; наличие подобных гласных в архаических системах вокализма всегда поддерживается функционированием, во-первых, гласного средне-нижнего подъема [э] в соответствии с /o/, во-вторых, дифтонгических образований на месте /ω/.

Наличие в ряде южнорусских говоров на месте /у/ гласных верхне-среднего подъема создает условия для смешения аллофонов /ω/ и /у/. Особенно часто *y*-образные гласные в соответствии с /ω/ отмечаются в с. Кирейково, что связано с общей напряженностью артикуляционной базы местного говора.

Гласный на месте фонемы /у/ может иметь неоднородную структуру, примыкая по соотношению стационарных участков к дифтонгам. Как прави-

---

¹⁵ Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, с. 132.

ло, фазы такого дифтонга имеют на всем протяжении у-образный тембр, отмечается незначительное изменение по ряду и/или по подъему.

Аллофоны /и/ после мягких согласных обычно имеют более низкие значения F_1 по сравнению с аллофонами /у/, то есть локализируются на более высоком уровне подъема; эта особенность, характерная и для русского литературного языка, связана с известной асимметричностью «трапецоида», отражающей «особенности строения ротовой полости и возможности движений языка»¹⁶.

В некоторых архаических южнорусских говорах перед [и] отмечаются мягкие согласные, особенно часто – переднеязычные [т], [д], [н]. Как правило, в этой позиции произносятся невеличизированные апикальные согласные, что и создает эффект полумягкости, а сам гласный несколько отодвинут назад по сравнению с литературным [и].

Помимо литературного [ы], образующегося в зоне среднего ряда, в южнорусских говорах отмечается два особых звукотипа: [ы] и [ы̣]; первый звукотип, локализующийся в задней зоне и отличающийся значительной напряженностью, характерен для некоторых калужских говоров, второй упрежденный звукотип – для говоров воронежско-липецкого ареала. Как в первом, так и во втором случае [ы] может реализовываться неоднородным гласным, представляющим изменение по ряду: от более заднего к более переднему.

Параграф 2.6 представляет качественную характеристику реализаций фонемы /а/. Наиболее распространенный аллофон /а/ в архаических южнорусских говорах – упрежденный гласный нижнего подъема [а] с F_1 700–900 Гц, F_2 1500–2000 Гц; высокие значения F_2 свидетельствуют о более переднем, чем в литературном языке, образовании этого гласного, что дает возможность увеличения контраста между аллофонами /а/ и /о/.

В некоторых оскольских говорах происходит значительное понижение подъема аллофонов /а/ (появление звукотипа [а̣] с $F_1=1000$ Гц). Это изменение связано с тенденцией к локализации непередних гласных в более низкой зоне, а также с конкуренцией старой (диссимилятивной) и новой (ассимилятивной) связей, оформляющих фонетическое слово в целостную единицу: понижение подъема [а̣] создает необходимый контраст с а-образными гласными, реализующими звукотип не-[а] и образующимися на более высоком уровне подъема.

Аллофоны /а/ также могут быть представлены дифтонгами и полифтонгами: сложный звук на месте /а/ обычно состоит из двух фаз – первой (более закрытой) и второй (более открытой), хотя иногда в этой позиции отмечаются и закрывающиеся дифтонги типа [а̣а̣].

После мягкого согласного фонема /а/ часто реализуется дифтонгами с начальными е-образной или и-образной фазами: *в лагерь* [ˈeá]x, *нелзь* [ˈiá] и др. Перед дифтонгом [eá] могут произноситься твердые согласные: *на лошадь* [eá]x,

---

¹⁶ Касаткин Л.Л. Современный русский язык. Фонетика. М., 2006, с. 33.

что дает возможность интерпретировать эти гласные звуки как представители особой фонемы /a/¹⁷ или /я/¹⁸.

Параграф 2.7 посвящен диахронической интерпретации представленного материала. Проблема происхождения фонем /ѣ/ и /ѡ/, их артикуляционных особенностей и позднейших трансформаций в восточнославянских языковых ареалах рассматривалась во многих работах диалектологов и историков языка. В обобщенном виде многочисленные гипотезы, высказанные по этому вопросу, можно свести к двум основным реконструкциям. Первая реконструкция предполагает, что в древнерусском языке фонемы /ѣ/, а также /ѡ/ (вошедшая в систему позднее) реализовывались гласными неоднородного тембра. Эта теория была выдвинута А.А. Шахматовым¹⁹, а затем развита в работах Н.Н. Дурново²⁰. Другая реконструкция связана с именем А.М. Селищева, который считал, что [иѣ] и [уѡ] представляют собой дальнейшее развитие первоначальных однородных гласных [ê] и [ô]²¹.

Материал архаических южнорусских говоров полностью подтверждает предположение А.А. Шахматова: фиксация в соответствии с /ѣ/ и /ѡ/ однотипных звуковых комплексов в говорах различной локализации, по всей видимости, свидетельствует о дифтонгической природе этих гласных в древнерусском языке. В пользу этой гипотезы говорит также характер субституций фонемы /ѣ/ в севернорусских, украинских и белорусских говорах.

Структурный параллелизм основных дифтонгических реализаций фонем /ѣ/ и /ѡ/, обнаруживающийся как в тембральных характеристиках их частей, так и в структуре распределения силы звука, подтверждает предположение, что фонема /ѡ/ появилась именно как задний коррелят фонемы /ѣ/ в результате развития тенденции к симметризации структуры древнерусской фонологической системы.

Произношение неоднородных гласных на месте [ы] также можно признать архаической диалектной чертой, которая, по всей видимости, свидетельствует о том, что в праславянский период «делабиализация *у:₁ проходила через стадию дифтонгизации (но не бифонемизации!) *у: > **[ч¹]» > *у:»²². На изначальную дифтонгичность славянского *у указывают многочисленные факты, приведенные Л. Мошинским²³.

В результате делабиализации древнего *ѡ появился гласный заднего ряда [ш], который затем через стадию дифтонга начал продвигаться в более перед-

¹⁷ Касаткин Л.Л. Фонетика // Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2005, с. 32.

¹⁸ Тер-Аванесова А.В. Фрагмент системы именного словоизменения и акцентуации слободского говора // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. III (IX) / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 2008, с. 72.

¹⁹ Шахматов А.А. Дифтонги ѡѣ и ѣѡ в великорусских говорах // ВЯ. 1964 (1912), №5, с. 117.

²⁰ Дурново Н.Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000 (1924), с. 112, 179, 184–185.

²¹ Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968 (1927), с. 175–176.

²² Попов М.Б. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб., 2004, с. 152.

²³ Мошинский Л. О времени монофтонгизации праславянских дифтонгов // ВЯ. 1972. № 4, с. 64–65.

ний ряд. Это изменение было обусловлено общим давлением системы: в частности, развитием в славянских языках «нового» *и* (из дифтонгов *ai и *oi). Однако долгое время упреждение гласного [ы] было ограничено. По всей видимости, до формирования противопоставления согласных по твердости-мягкости в русских говорах твердые (немягкие) согласные произносились не только перед [ы], но и перед [и]. Эти гласные выступали в одной и той же позиции и представляли на этом этапе разные функциональные единицы.

Контраст между аллофонами /ы/ и /у/ создавался не только наличием/отсутствием лабиализации, но и основной зоной их локализации: в соответствии с /у/ произносились гласные пониженно-верхнего или верхне-среднего подъема. Лишь после утверждения у согласных фонологической категории твердости-мягкости происходит упреждение гласных [и] и [ы], что обусловило и возможность повышения подъема основных реализаций /у/.

Наличие в говоре с пятифонемным вокализмом звуков пониженного образования на месте /у/, /о/ и /е/, а также упрежденных реализаций фонемы /а/ свидетельствует об архаичности этой системы, о существовании в недалеком прошлом противопоставления /ω/ ~ /о/ и /ѣ/ ~ /е/.

В параграфе 2.8 формулируются основные выводы.

Глава 3 содержит описание архаических типов диссимилятивного аканья и яканья. В параграфе 3.1. рассмотрены основные звукотипы 1-го предударного слога после твердых согласных. Отличительной особенностью говоров с архаическими типами вокализма является наличие в 1-м предударном слоге двух степеней редукции гласных неверхнего подъема. Так, в позиции после твердых согласных и перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъемов обычно произносится долгий интенсивный звук [а], тогда как перед ударными гласными среднего и нижнего подъемов – звуки [ə], [a̠], [ə^o], значительно сокращенные и ослабленные.

По своим количественным и спектральным характеристикам звукотип, отмечающийся перед ударными /и/, /у/, /ѣ/ и /ω/, соответствует основному аллофону /а/, характерному для говоров с архаическими типами вокализма. Длительность этого предударного гласного обычно составляет 120–140 мсек, он характеризуется значительной напряженностью, интенсивностью, а также пониженным и упрежденным образованием (его F₁ может достигать 1000–1100 Гц, F₂ – 1800–2000 Гц) и зачастую имеет неоднородную структуру.

В положении перед ударными /е/, /о/ и /а/ произносятся [ə], [ə^o], [a̠], [a̠], а также некоторые другие звуки. Появление того или иного гласного объясняется сегментными (консонантное окружение, качество ударного гласного, а также гласного 2-го предударного слога) и суперсегментными (тип фразовой позиции) факторами. Такое разнообразие акустических воплощений звукотипа не-[а] связано с их общей низкой длительностью, которая составляет чуть более 50 % длительности ударного гласного. Это обуславливает деформацию гласных 1-го предударного слога, их ассимиляцию сегментному окружению.

В сильных фразовых позициях звукотип не-[а] может реализовываться пониженными гласными [ə], [a] или [ǎ]. Появлению *a*-образных гласных в этой позиции способствует не только просодическая выделенность слова, но и вокальный контекст: наиболее часто эти звуки отмечаются в позиции перед ударными [а] и [ə]: *захв[ə́]ра́ла, изд[ǎвнá], мол[акó]м* и др.

Однако *a*-образные гласные на месте звукотипа не-[а] отличаются от *a*-образных реализаций звукотипа [а] уровнем подъема, рядом и долготными характеристиками. Если основным реализациям звукотипа [а] свойственны высокие значения F_1 и F_2 , то у гласных [ǎ] и [ǎ], представляющих звукотип не-[а], верхняя граница F_1 , как правило, не превышает 650–750 Гц, а F_2 – 1300–1600 Гц, что указывает на их локализацию в зоне отодвинутого среднего или средне-заднего ряда и повышено-нижнего или средне-нижнего подъема. Кроме того, гласные на месте звукотипа не-[а] обычно составляют около 50–70 % длительности реализаций звукотипа [а].

Далеко не всегда звуковое окружение обуславливает наличие определенного варианта, реализующего звукотип не-[а]: так, лабиализованный гласный может появляться при отсутствии непосредственного лабиализующего фактора: *р[о]жáй, ст[о]я́ть, с[ə°]жáть* и т.д. Возможно, появление дополнительной артикуляции у гласного на месте не-[а] обусловлено тенденцией к сохранению диссимилятивной системы предударного вокализма – стремлением к фонологизации противопоставления звукотипов в 1-м предударном слоге, повышением контраста между ними.

Постепенное «размывание» прежней ритмической модели слова приводит к полной утрате позиционной прикрепленности гласных [а] и [ə] в 1-м предударном слоге, в результате *a*-образные гласные на месте звукотипа не-[а] произносятся не только в словах, маркированных фразовым ударением, но и при нейтральном произнесении.

В параграфе 3.2 дана характеристика звукотипов 1-го предударного слога после мягких согласных. Перед /и/, /у/, /ѣ/ и /ѡ/ обычно отмечается упрежденный пониженный гласный [ǎ], схожий по своим основным характеристикам с предударным [ǎ] после твердых согласных, а также с основным аллофоном /а/. Так же как и основной аллофон /а/, находящийся после мягких согласных, звукотип [ǎ] в этой позиции может реализоваться неоднородными гласными типа [eǎ], [iaǎ]: *п'еáт'и́, в'иáжу́ (=вяжу́), нэ з'еáмл'и́е́.*

Перед фонемами /e/, /o/ и /a/ в зависимости от конкретной системы в 1-м предударном слоге могут произноситься *и*-образные или *e*-образные гласные, что служит основой для выделения задонской и обоянской разновидностей архаического диссимилятивного яканья. Наличие в говоре одной из систем противопоставлений ([а] – не-[а] или [и] – не-[и]) определяет функциональную специфику предударного вокализма после мягких согласных. Например, в соответствии со звукотипом [и], характерным для обоянского типа, обычно произносятся монофтонги верхнего, реже – пониженно-верхнего подъема [и]

или [ɨ]. В говорах с задонским типом ему соответствует звукотип не-[a], который может реализовываться не только однородными гласными [e], [ɛ], [ɨ], [ɛ], но и дифтонгами типа [иэ], [иэ̃], [еэ̃].

Наличие в говорах с задонским диссимилятивным яканьем тенденции к формированию нового ритмического контура «сильный центр и слабая периферия», а также расширение артикуляционного пространства приводит к смещению *e*-образной части подобных дифтонгов в зону нижнего подъема: *н'еа́ та́к*. На ослабление противопоставления [a] – не-[a] после мягких согласных указывает также произношение на месте звукотипа [a] более закрытых гласных, что отмечается, например, перед мягкими согласными, а также перед аллофонами /и/ и /ѣ/: *н'ѣ́екл'и́, џл'е́ед'џт'* (=глядéть).

В системе обоянского архаического яканья появление *a*-образных гласных на месте звукотипа [и] не представляет собой последовательную смену артикуляций, как при задонской разновидности, и всегда ограничено определенными грамматическими категориями: *пр'амáца, р'абáца, н'аслá, џз'алá, но с'м'итáна, џч'ирá, с'истрá, с'илá, л'итáт', н'итнáцэт'* и др.

В параграфе 3.3 рассмотрено соотношение между архаическими типами аканья и яканья, а также показана их зависимость от особенностей артикуляционной базы говора. Анализ собранного материала свидетельствует о том, что для диалектных систем с преимущественным распространением архаических типов яканья обычно характерно также и архаическое диссимилятивное аканье; отмечены такие говоры, где диссимилятивный архаический вокализм значительно лучше сохраняется после твердых согласных, чем после мягких (например, в с. Верéтье Острогожского р-на Воронежской обл.).

Более последовательное сохранение архаического диссимилятивного вокализма после твердых согласных связано с тем, что артикуляционный контраст между гласными непереднего ряда [a] и [э] оказывается гораздо менее четко выраженным, чем между гласными переднего ряда, более удаленными друг от друга в артикуляционном пространстве²⁴; различие звукотипов после твердых согласных не осознается носителями говора и потому легко превращается в особую ритмическую модель.

Консервации архаического диссимилятивного вокализма способствует также общее упереднение артикуляционной базы. Например, более передняя артикуляция гласных, характерная для говора с. Татарино Каменского р-на Воронежской обл., обуславливает и некоторые специфические черты системы предударного вокализма: отсутствие *a*-образных гласных перед ударными /a/, /o/, /e/, а также переход от задонского к обоянскому диссимилятивному яканью, что ограничивает возможности дальнейшего развития системы предударного вокализма после мягких согласных.

---

²⁴ Касаткина Р.Ф. Южнорусское наречие. Новые данные // ВЯ. 2000. № 6, с. 102.

В параграфе 3.4 представлено исследование зависимости между архаическими типами аканья и яканья и системой ударного вокализма. В частности, показано, что выбор звукотипа при архаических типах аканья и яканья обусловлен не какими-то акустическими характеристиками ударного гласного, а **фонологической** позицией: перед фонемами /ѣ/ и /ѡ/ произносится гласный [а], перед /е/ и /о/ – гласные [э] и [и]. Наличие неэтимологических звукотипов верхне-среднего, среднего и средне-нижнего подъемов в соответствии с /ѣ/, /ѡ/, /е/ или /о/ никак не отражается на звукотипе в 1-м предударном слоге: он употребляется в соответствии с этимологией ударного гласного.

Архаическая система предударного вокализма может проводиться значительно более последовательно, чем различие под ударением семи гласных фонем, то есть фонетический контраст между формами типа *большой* (старик) – *большой* (старухи) может создаваться за счет гласных 1-го предударного слога, о чем свидетельствуют материалы аудиторского анализа, проведенного Т.Г. Фоминой²⁵.

Лишь появление значительных зон неразличения между /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/ обычно приводит к общей деградации архаических типов предударного вокализма. Важно отметить, что лексикализация и грамматикализация произношения гласных 1-го предударного слога может затрагивать не только обоянский тип яканья (сохранение [и] в формах типа *св[’и]крóвь* или *ч[’и]гó*), но и архаический тип аканья (сохранение [э] в формах типа *б[э]льнóй* или *пор[э]сёнок*).

В параграфах 3.5 и 3.6 дана диахроническая интерпретация представленного материала. Р.И. Аванесов считал, что аканье зародилось на территории курско-орловских, тульских и рязанских говоров, которые «едины в своей исторической основе», а различия между этими группами «носят по большей части вторичный, позднейший характер»²⁶. По его мнению, а также по мнению ряда других ученых, наиболее древний тип аканья был диссимилятивным, и лишь затем на его основе сформировались другие модели вокализма. Однако существующая сегодня зависимость предударного гласного от степени подъема ударного гласного исторически не первична, и причиной появления и развития подобных типов аканья и яканья «не могла быть диссимиляция – стремление говорящих <...> расподобить подъемы гласных»²⁷.

Можно предположить, что диссимилятивный вокализм в своем развитии прошел два этапа: первый – нейтрализация безударных гласных неверхнего подъема, второй – формирование новой системы зависимости между удар-

---

²⁵ Градационная фонология языка и просодия слова русской диалектной речи / Науч. ред. З.М. Альмухамедова. Казань, 1985, с. 106; Фомина Т.Г. К вопросу о качестве гласных фонем <e>, <o> в одном южнорусском говоре (на основе экспериментальных данных) // Мат-лы по русско-славянскому языкознанию / Науч. ред. В.И. Собинникова. Воронеж, 1982, с. 145–146.

²⁶ Аванесов Р.И. Лингвистическая география и история русского языка // ВЯ. 1952, с. 40–41.

²⁷ Касаткин Л.Л. Из истории аканья – яканья в русском языке // Русск. яз. в науч. освещении. 2010. № 2 (20), с. 82.

ным гласным и безударными гласными. Унификация дифференциальных признаков безударных гласных неверхнего подъема приводила не только к резкому сокращению различительных единиц, но и к неустойчивости фонетической системы в целом. Именно в этой ситуации происходило формирование принципиально новой просодической модели слова, что стало закономерной реакцией на происходящие изменения. Нейтрализация безударных гласных неверхнего подъема актуализировала новые дистактные связи между гласными в фонетическом слове.

Происходившие изменения регулировались правилами, актуальность которых проявлялась не в пределах сочетания отдельных слогов, но в пространстве всего слова, объединенного единой просодической программой. Гласные «выступают как целостный блок, объединяющий взаимосвязанные компоненты, когда выбор гласного определяется вокальным компонентом следующего слога»²⁸. Развитие новой динамической модели становится стабилизирующим фактором для фонетической системы в целом. Информативность безударных гласных вновь повышается: дополнительным средством различения становится общая ритмическая структура слова, то есть соотношение позиционных длительностей.

Не вызывает сомнений первичность количественных отношений между гласными: долготная характеристика ударного гласного в этой системе предопределяла всю ритмико-динамическую структуру слова. Таким образом, модель с квантитативными отношениями между гласными можно считать наиболее архаическим типом диссимилятивного предударного вокализма. Однако для русского языка нехарактерно противопоставление гласных по длительности, поэтому позиционные варианты безударных гласных не обобщались в звукотипы, слабо контрастировали между собой, а их количественные характеристики находились в отношении свободного варьирования, что обусловило нестабильность квантитативных отношений при диссимилятивном вокализме.

В результате произошло качественное разграничение предударных гласных в зависимости от их квантитативных характеристик. Возможные количественные модификации были обобщены в два звукотипа: [а] – не-[а]. Долгий широкий [а] стал произноситься перед /и/, /у/, /ѣ/ и /ѡ/, а более короткие и закрытые [э] и [е]²⁹ – перед /е/, /о/, /а/; соответственно, способы оформления фонетического слова были сведены к двум унифицированным схемам.

Тенденции к упрощению системы гласных и уменьшению напряженности артикуляционной базы активно действовали как на ударные, так и на безударные гласные. Архаические типы диссимилятивного аканья и яканья, имевшие в 1-м предударном слоге противопоставление [а] – не-[а], с момента своего

---

²⁸ Калнынь Л.Э. Указ. соч., с. 26.

²⁹ Возможно, изначально как после твердых, так и после мягких согласных произносился гласный среднего ряда среднего подъема [э]; этот звук и сегодня sporadически отмечается в некоторых южнорусских системах с архаическим диссимилятивным яканьем задонской разновидности.

образования подвергались ассимилирующему воздействию ударных гласных. Можно предположить, что действие ассимилятивных тенденций изначально было позиционно ограничено положением перед гласными верхне-среднего и среднего подъемов. К такому выводу можно прийти в результате структурного анализа различных типов вокализма, имеющих ярко выраженную архаическую диссимилятивную основу.

В русском языке межслоговая вокальная ассимиляция может затрагивать признаки ряда, подъема и лабиализации. Эти типы ассимилятивных изменений имеют разную значимость для системы вокализма: так, лабиализация или упреждение гласного [э] перед ударными /e/, /o/ структурно не значимы. Однако изменение подъема и появление звуков [ɛ] или [a̠] на месте [e] и [ə] перед ударными /o/ и /a/, а также упреждение и повышение подъема [a] перед реализациями /ʁ/ входят в противоречие со старой диссимилятивной системой, хотя на этом этапе и не вызывают качественной трансформации ее структуры.

Постепенно в южнорусских говорах накапливался новый языковой материал, который сначала встраивался в прежнюю модель вокализма и сосуществовал со старыми диссимилятивными отношениями, хотя отчасти и предвосхищал будущие изменения. Говоры Курско-Орловской группы, а также елецкие и оскольские наиболее долго сохраняли «смешанный» ритмический контур, неслучайно на указанных территориях диссимилятивные типы вокализма до сих пор сохраняются после мягких согласных. Изменение [e] > [и], которое произошло после распространения перед звуком [e] мягких согласных, привело к формированию новой модели архаического яканья – обоянской. Фонологизация корреляции гласных в 1-м предударном слоге обусловила прекращение действия прежних фонетических закономерностей, в частности, привела к ограничению действия ассимилятивных тенденций.

В большинстве русских говоров происходит постепенная монофтонгизация дифтонгов, что, в свою очередь, ведет к устранению противопоставления /ʁ/ и /e/, /ω/ и /o/. Если в говоре трансформация ударного вокализма приводит к появлению на месте /e/ гласного [ɛ], что свидетельствует о стабильности системы в целом, архаическое аканье и обоянское диссимилятивное яканье также последовательно сохраняются. Если развитие системы ударного вокализма не приводит к появлению [ɛ] как возможной реализации фонемы /e/, с развитием монофтонгизации дифтонгов [иэ̃] и [уо̃] начинается постепенная утрата противопоставления /ʁ/ ~ /e/, а затем – /ω/ и /o/, что ведет к модификации систем аканья и яканья. Прежде всего это выражается в разрушении системы диссимилятивного яканья, и лишь затем – диссимилятивного аканья.

В параграфе 3.7 формулируются основные выводы.

Глава 4 посвящена описанию щигровского, дмитриевского и суджанского типов диссимилятивного яканья, а также прохоровского типа диссимилятивного аканья. Окончательный переход к пятифонемной системе ударного вокализма ведет также к утрате архаических типов предударного вокализма. В ре-

зультате обоянское архаическое яканье может трансформироваться в щигровский, дмитриевский или суджанский типы диссимилятивного яканья, а архаическое диссимилятивное аканье – в жиздринский или прохоровский типы диссимилятивного аканья.

В параграфе 4.1 проанализирована структура щигровского типа диссимилятивного яканья. Наибольшее количество отступлений от щигровского яканья, выявляющих архаическую основу вокализма, обнаруживают говоры Белгородской обл. Так, в с. Присынок Губкинского р-на гласный [и] произносится перед /e/ (из *e и *ь) и /'o/: д[']и]тэй, ст[']и]речь, д[']и]рэвня, в[']и]рэвки, з[']и]лэный и др. Звук [а] в этой позиции появляется только перед фонемой /'o/, находящейся в некоторых суффиксах и флексиях: з[']а]млэй, за пл[']а]чó, Кис[']а]лэв, что обусловлено влиянием грамматической аналогии со стороны форм с[']а]стрóй, с[']а]лó, П[']а]трóв; эта особенность также характерна для архаических типов яканья.

Непоследовательность произношения гласных 1-го предударного слога перед фонемой /o/, восходящей к *ь и *o, следует признать проявлением архаической диссимилятивной основы. Гласный [а] наиболее последовательно произносится в И.п. ед.ч. м.р. прилагательных: н[']а]мóй, шерст[']а]нóй, сл[']а]нóй, а также в Т.п. ед. ч. существительных II склонения (за исключением примеров, имеющих в И.п. финаль -ок): [йа]йцóm, з[']а]рнóm, с[']а]рпóm.

В остальных формах перед фонемой /o/, восходящей к *ь и *o, характерно свободное варьирование гласных. Можно отметить, что гласный [а] преобладает в наречиях типа в[']а]рхóm, а также в И. и Т.п. существительных с суффиксом -ок: вет[']а]рóк, вет[']а]ркóm. Звук [и] наиболее последовательно произносится в И. и Т.п. существительных с финалью (не суффиксом!) -ок: н[']и]сók, н[']и]скóm, в форме Р.п. ед.ч. местоимений типа [йи]гó, в формах И. и В.п. числительных типа н[']и]тьсót, в словах различных частей речи с постоянным ударением на основе: св[']и]крóвья, св[']и]кóльный. Данные, собранные в с. Присынок по программе ДАРЯ, свидетельствуют о том, что еще в середине XX в. перед /o/ (из *ь) здесь, как правило, произносился гласный [и]: н[']и]шкóm, к[']ип[']итók, в[']идрóm, с[']идóй стар[']ик и др. Переход от обоянского диссимилятивного яканья к щигровскому был обусловлен изменениями, происходившими с системой ударного вокализма: утратой корреляции /ѣ/ ~ /e/, /ω/ ~ /o/, которая должна была произойти незадолго до первой фиксации говора в середине 1950-х годов. Видимо, на относительно позднее совпадение фонем /ω/ и /o/ указывает наличие в местной диалектной системе особого звукотипа [э] в соответствии с фонемой /o/ после согласного [γ], что свойственно представителям старшей возрастной группы.

Наименьшее количество исключений из щигровского типа яканья характерно для говоров Воронежской и Ростовской областей. Так, на хуторах Морозовский, Казанская-Лопатино, Рубеженский и Пухляковский Верхнедонского р-на Ростовской обл. перед фонемой /o/ исключений, указывающих на архаи-

ческую основу вокализма, не отмечено. Характерной особенностью местных диалектных систем, отличающей их от описанного белгородского говора, является последовательное произношение в 1-м предударном слоге звука [а] перед мягкими согласными и перед фонемой /о/, а также перед отвердевшими шипящими: *с[ʼа]дьмо́й, с[ʼа]дьмо́го, т[ʼа]жёлый, д[ʼа]шнёвый*. Гласный [а] более широко распространен и в позиции перед /ʼо/: он отмечается не только в примерах типа *пл[ʼа]чо́, пл[ʼа]тнём*, где его появление поддерживается формами *с[ʼа]ло́, с[ʼа]ло́м*, но также и перед суффиксами *-ён, -ённ*, не имеющими параллельных форм после парных твердых согласных: *прикр[ʼа]плённая, пл[ʼа]тнёный*. Перед /ʼо/, находящейся в корне слова, а также в других суффиксах, стабильно сохраняется звук [и]: *л[ʼи]нёшки, д[ʼи]вчо́нки* и др.

Особую систему в говорах с щигровским яканьем представляют префиксы, предлоги и частицы, находящиеся в позиции 1-го предударного слога: гласный [и] произносится только перед фонемой /а/, а гласный [а] – во всех остальных позициях (включая позиции перед /ʼо/ и /е/ из *е и *ь), то есть в проклитиках отмечается жиздринская модель диссимилятивного яканья, параллельная типу вокализма после твердых согласных.

В параграфе 4.2. исследуется дмитриевский тип диссимилятивного яканья. Материал, записанный в говорах с. Старый Бу́зец Железногорского р-на Курской обл. и с. Берёзовка Ивнянского р-на Белгородской обл., где ДАРЯ фиксирует этот тип вокализма, свидетельствует о том, что противопоставление гласных [а] и [и] перед /о/ разного происхождения выдержано при дмитриевском яканье недостаточно последовательно. Так же как в говоре с. Присынок с щигровским диссимилятивным яканьем, в местных диалектных системах предударный [а] возможен не только перед /о/ из *ω, но и перед /о/ из *ь, что отмечается в И.п. ед.ч. м.р. прилагательных: *земл[ʼа]но́й, сл[ʼа]но́й*, в Т.п. ед. ч. существительных II склонения: *бр[ʼа]внóм, с[ʼа]рпóм*, в единичных случаях – в И. и Т.п. существительных с суффиксом *-ок*: *л[ʼа]до́к, л[ʼа]до́к*. В остальных словах и грамматических формах в этой позиции стабильно произносится гласный [и]: *в[ʼи]рхо́м, с[ʼи]мсóт, ч[ʼи]го́, св[ʼи]кро́вья* и т.д.

Основное отличие щигровской разновидности диссимилятивного яканья от дмитриевской разновидности заключается в следующем. Если щигровский тип вокализма развивается в основном за счет закрепления в 1-м предударном слоге гласных [и] и [а] перед /е/ и /о/ в определенных словах и грамматических формах, то формирование дмитриевского типа происходит в результате действия двух тенденций. Первая – грамматикализация и лексикализация гласных [и] и [а] перед /о/ (как и при щигровском типе). Вторая – тенденция к «умеренности», то есть к распространению гласного [и] в 1-м предударном слоге перед мягкими согласными в позиции перед ударными гласными среднего подъема /е/ и /ʼо/: *н[ʼи]вёсткой, гл[ʼи]дётъ, н[ʼи]сём, с[ʼи]стёр, л[ʼи]нёшку* и др.

В говоре с. Старый Бузец (в отличие от говора с. Берёзовка) тенденция к «умеренности» проводится непоследовательно. Во-первых, местной диа-

лектной системе свойственно сохранение параллелизма между мягкой и твердой разновидностями парадигмы: *с[’а]мьёю, з[’а]млёй, на пл[’а]чó, б[’а]льё*. Во-вторых, гласный [а] отмечается перед /е/ (из *ѣ), находящейся в некоторых падежных окончаниях существительных: *на пл[’а]чé, на з[’а]млé*. Наконец, гласный [а] произносится в структуре С’АС’СО: *б[’а]льмó, с[’а]дьмóй*.

Префиксы, предлоги и частицы, находящиеся в 1-м предударном слоге, также представляют особую систему, которая отличается от типа вокализма, характерного для значимых слов. В обследованных говорах с дмитриевским диссимилятивным яканьем звук [и] в этой позиции произносится вне зависимости от гласного под ударением, то есть реализуется модель иканья.

Параграф 4.3 посвящен описанию структурных особенностей суджанского типа диссимилятивного яканья. В целом для говоров с суджанским типом яканья характерно несколько особенностей распределения звуков [и] и [а] перед ударными гласными среднего подъема, что свидетельствует о его структурном единстве. Во-первых, наличие параллелизма произношения гласных в твердом и мягком вариантах парадигмы: *з[’а]млёй, с[’а]мьёй, б[’а]льё* и т.д. Во-вторых, употребление гласного [а] перед /е/ (из *ѣ), находящейся в некоторых падежных формах: *в в[’а]дрé, в р[’а]кé*. В-третьих, частичное сохранение архаической диссимилятивной основы перед /о/ (из *ъ и *о), наиболее последовательно – в Р.п. ед.ч. местоимений типа [йи]гó, а также в словах с постоянным ударением на основе типа *св[и]крóвьа*.

Для большинства говоров с суджанской разновидностью диссимилятивного яканья характерно дальнейшее распространение [и] в позиции перед гласными среднего и верхнего подъёмов. На продуктивность отмеченного процесса указывает произношение гласного [и] в префиксах, предлогах и частицах независимо от ударного гласного, что можно признать типичной чертой этой разновидности вокализма. Таким образом, система суджанского диссимилятивного яканья характеризуется комплексом функциональных особенностей, сближающим ее с системой дмитриевского яканья, и отличается от последней только бóльшим количеством случаев произношения [а] перед /о/ (из *ъ и *о). Следовательно, дмитриевский тип может быть классифицирован как структурная разновидность суджанского типа, лучше всего сохраняющая архаическую основу; его выделение в качестве отдельной единицы нецелесообразно.

В параграфе 4.4 представлена характеристика системы прохоровского диссимилятивного аканья, которая формируется на основе архаической разновидности аканья в результате утраты под ударением семифонемной системы вокализма. Прохоровский тип вокализма никогда не бывает представлен в чистом виде, без исключений, и может существовать в нескольких структурных вариантах в зависимости от количества примеров произношения в 1-м предударном слоге [а] и [э] перед /о/ и /е/.

В параграфе 4.5 дана диахроническая интерпретация представленного материала. После утраты семифонемного вокализма начинается общий отход

системы от обоянского яканья, который объясняется актуализацией действия грамматических и лексических факторов. Сохранение чередования [и] || [а] перед /о/ в пределах одной парадигмы способствует расширению фонологической вариативности корней. Это противоречит общей тенденции грамматического развития в русском языке – к усилению аналитизма, которая выражается «в стремлении к сохранению единообразного вида морфемы»³⁰, и потому устраняется системой.

Происходящие изменения не затрагивают диссимилятивную основу говора, они лишь способствуют перераспределению звукотипов перед ударными гласными среднего подъема. Процессы аналогического выравнивания проходят с разной степенью интенсивности, они всегда ограничены определенными парадигмами и не распространяются механически, поэтому возникающие системы, как правило, сохраняют черты своей основы — архаического яканья обоянской разновидности.

На произношение различных падежных форм существительных наибольшее влияние оказывают особенности звукового оформления именительного падежа как самого употребительного и наиболее независимого грамматически: именно именительный падеж предопределяет закрепление одного из звукотипов ([и] или не-[и]) в форме Т.п. существительных I и II склонения.

Другая модель грамматической аналогии действует у прилагательных и местоимений. Имена прилагательные только в форме И.п. м.р. имеют /о/ из *ь, для всех остальных форм как мужской, так и женской разновидностей склонения под ударением отмечается /о/ из *ω. Поскольку в парадигме преобладают формы с ω в окончаниях, а И.п. прилагательных имеет значительно меньшую, чем у существительных, грамматическую независимость, выравнивание гласного основы происходит по модели косвенных падежей: с[’а]дóй (как лунь) ← с[’а]дóго или у с[’а]дóй. У местоимений в форме Р.п. ед.ч. (типа ego) при отходе от архаического вокализма предударный [и] обычно сохраняется, то есть обобщения с основой Д.п. не происходит.

Взаимовлияние произносительных особенностей различных падежей, в результате которого происходит устранение чередования [и] || [а] или сохранение однотипной закономерности перед /о/, характерно для форм словоизменения единственного числа. В том случае, если тенденция к лексико-грамматическому выравниванию получает дальнейшее развитие, гласный [а] распространяется в основе всех парадигм существительных в единственном числе, что связано с общей тенденцией «выделения форм множественного числа всех существительных в особый, самостоятельный тип склонения», впервые обозначенной В.Н. Сидоровым: в[’а]дрá, с[’а]стрá, но к с[’и]стрáм, но ст[’и]нáм.

---

³⁰ М.Я. Гловинская, Н.Е. Ильина, С.М. Кузьмина, М.В. Панов. О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971, с. 22.

Однако в некоторых системах появляется новый фактор развития – тенденция к «умеренности», то есть начинается формирование суджанского диссимилятивного яканья. Прежде всего гласный [и] появляется перед /е/ (из *ѣ), действие грамматической аналогии в этой позиции ограничено, поскольку /е/ и /ѣ/ не встречаются в пределах одной парадигмы. Закономерности произношения, характерные для позиции перед /е/ из *е и *ь, не распространяются на позиции перед /е/ из *ѣ, и наоборот. Именно этот факт, а также отсутствие тенденции к «умеренности» обуславливают сохранение чередования [и] || [а] перед /е/ разного происхождения при щигровском диссимилятивном яканье (а вовсе не более поздняя утрата противопоставления /ѣ/ ~ /е/).

Распространение звукотипа [и] перед /е/ (из *ѣ) в первую очередь происходит в словах с постоянным ударением на основе (типа *н[’и]дѣля*), гласный [а] в этой позиции наиболее последовательно сохраняется перед /е/ (из *ѣ), находящейся в падежных окончаниях (*в р[’а]кѣ*, *в с[’а]лѣ*) – подобное произношение может быть признано закономерным не только для щигровской, но и для суджанской разновидности диссимилятивного яканья.

Фонологический фактор развития достаточно продуктивен в южнорусских говорах: суджанское диссимилятивное яканье широко распространено на севере Белгородской, в Курской и Орловской областях. Щигровский тип, сохраняющий произношение [а] перед этимологическим *ѣ, отмечается лишь в небольшом количестве населенных пунктов и не имеет ярко выраженных ареалов³¹. Быстрое распространение тенденции к фонологической унификации мотивировано ее функциональными особенностями: новая зависимость предударного гласного от мягкости следующего согласного очевидна, она значительно проще сложного процесса идентификации форм и потому легко встраивается в общую систему говора.

В тех говорах, где процессы грамматической унификации получили широкое распространение, отмечаются отдельные примеры, которые противоречат новой тенденции к произношению [и] перед мягкими согласными, но сохраняют следы былого параллелизма между мягкой и твердой разновидностями парадигм: *б[’а]льѣ*, *с[’а]мьѣй*. В тех говорах, где процесс морфологического обобщения основ не успел получить широкого распространения, фонологические факторы оказываются сильнее грамматических и лексических, например, при варьировании *пл[’а]чѣ* || *пл[’и]чѣ* или *з[’а]млѣй* || *з[’и]млѣй* вариант с гласным [и] становится основным.

После твердых согласных, так же как и после мягких при суджанском яканье, наиболее последовательно сохраняющем архаическую основу, стереотип произношения предударного гласного перед /о/ может находиться лишь в стадии формирования. Именно для подобных говоров с «наметившейся переходностью» диссимилятивного яканья дмитриевско-суджанского типа характерен

³¹ Захарова К.Ф. Типы диссимилятивного яканья в русских говорах (Лексико-морфонологическая характеристика) // ВЯ. 1971. № 2, с. 7.

и особый прохоровский тип диссимилятивного аканья, который свидетельствует о былом распространении в говоре архаической системы вокализма, отойдя от которой система еще не выработала произносительную модель.

В параграфе 4.6 проанализированы различные гипотезы происхождения щигровского и суджанского типов диссимилятивного яканья; в параграфе 4.7 формулируются основные выводы.

Глава 5 посвящена описанию диссимилятивно-умеренного и умеренного типов яканья, а также белёвского типа диссимилятивного аканья. В параграфе 5.1 дан анализ архаической и неархаической разновидностей диссимилятивно-умеренного яканья. В южнорусских говорах диссимилятивно-умеренное яканье архаического типа может сочетаться с семифонемной системой вокализма, однако, так же как и в говорах с архаическими типами диссимилятивного аканья и яканья, в этих диалектных системах нет прямой фонетической зависимости между системами ударного вокализма и вокализма 1-го предударного слога. На это указывают примеры типа *нич*[’ивѠ], *от н*[’ивѠ], отмеченные в с. Зайцево Белёвского р-на Тульской обл., где гласный [и] произносится перед особыми реализациями фонемы /ω/. В этих примерах гласный верхне-среднего подъема [ɔ̞] отмечается в соответствии с фонемой /o/; он появился в этой форме на месте более раннего [ɔ] относительно недавно, что подтверждается последовательным произношением перед ним гласного [и] (в архаических системах вокализма формы типа *ego* имеют в 1-м предударном слоге гласную [и]).

На автономное существование систем ударного и предударного вокализма указывают и многие примеры, отмеченные в с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.: *с*[’илуѠ], *бр*[’ивнѠ], *в Поздн*[’икѠ]вой (деревня) и др. Особенно часто гласный [и] перед аллофонами /ω/ произносится в сильной фразовой позиции, для которой характерно, с одной стороны, сохранение под ударением дифтонгических образований на месте фонем верхне-среднего подъема, с другой – развитие элементов иканья в 1-м предударном слоге.

Диссимилятивно-умеренное яканье архаической разновидности может функционировать и при пятифонемной системе вокализма, что отмечено в д. Черногрязка Белёвского р-на Тульской обл.

Основное отличие, обнаруживающееся между диалектными системами с архаическим и неархаическим типами диссимилятивно-умеренного яканья заключается в регулярном сочетании неархаической разновидности с пятифонемной системой вокализма, а также в принципиальной возможности произношения при этом типе вокализма звукотипа не-[и] перед /o/ (из *ъ и *o).

Среди особенностей, сближающих эти модели предударного вокализма, прежде всего следует выделить сосуществование архаической и неархаической разновидностей с элементами иканья, а также наличие системы иканья в приставках, предлогах и частицах, находящихся в позиции 1-го предударного слога: *н*[’и мѠ]чился, *н*[’и врѠ], *н*[’и вы]лезу, *н*[’и мѠ]жем и т.д.

Особым в говорах с диссимилятивно-умеренным яканьем оказывается положение 1-го предударного гласного перед отвердевшими шипящими и [ц]. В этой позиции, так же как и перед мягкими согласными, обычно независимо от ударного гласного отмечается звук [и]. Однако некоторые примеры нарушают указанную закономерность. Так, перед гласными [у́] и реже – перед [б́], перед которыми в положении после мягких согласных и перед твердыми в 1-м предударном слоге наиболее последовательно функционирует звукотип не-[и], перед отвердевшими шипящими также отмечаются гласные неверхнего подъема [е], [а]: *д[’ерж́у]*, *л[’аж́у]*, *л[’аж́ы]ть*, *на руб[’аж́у]*, то есть сохраняется диссимилятивная основа предударного вокализма.

Параграф 5.2 посвящен анализу умеренного яканья. Следует отметить, что при умеренном яканье гласные, репрезентующие звукотип не-[и], спорадически отмечаются перед ударным [и]: *пл[’а]ли́*, *с[’йе]ди́м*, *л[’е]сн́ик*, *тр[’е]си́н* и др. Н.Б. Парикова, анализируя материалы ДАРЯ, обнаружила такие тульские говоры с умеренным яканьем, для которых в единичных случаях между мягкими согласными в 1-м предударном слоге характерно произношение [а] в соответствии с этимологическим *а. Н.Б. Парикова не видит оснований связывать произношение [а] с наличием определенных ударных гласных, ссылаясь на то, что «эти случаи известны перед разными по подъему ударенными гласными»³². Однако приведенные Н.Б. Париковой примеры показывают, что произношение [а] между мягкими согласными зависит не только от этимологии, но и от качества ударных гласных: из 27 случаев употребления [а] в этой позиции 22 представлены перед [и́]. Это дает основание предположить, что диссимилятивная основа вокализма тульских говоров проявляется не только после твердых, но и после мягких согласных.

Так же как и при диссимилятивно-умеренном яканье, в большинстве обследованных говоров с умеренным яканьем приставки, предлоги и частицы не включены в общую систему позиционных чередований предударных гласных после мягких согласных: в этой позиции вне зависимости от твердости-мягкости последующего согласного всегда произносится [и].

В говорах д. Таратухино, с. Богданово Белёвского р-на и с. Гати Венёвского р-на Тульской обл. отвердевшие шипящие (в том числе и долгий [ж̄]) воздействуют на предыдущий гласный 1-го предударного слога как твердые согласные: *погл[’а]ж́у*, *л[’а]ж́ить*, *м[’а]ш́ок*, *д[’а]ж́а*, *при[’йа̄ж̄]а́ютъ* и др. Лишь в говоре д. Дблговка Венёвского р-на отвердевшие шипящие ведут себя по отношению к предыдущим предударным гласным как мягкие согласные: *л[’и]ж́у*, *б[’и]ж́ишь*, *п[’и]ш́ком*, *л[’и]ж́али*, *зар[’и]ж́ать* и др. По мнению Н.Б. Париковой, для тульских говоров с умеренным яканьем в положении перед отвердевшими шипящими «произношение *и* является основным»³³.

³² Парикова Н.Б. Умеренное яканье в тульских говорах // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Новая серия. Вып. II / Отв. ред. В.Г. Орлова. М., 1961, с. 26.

³³ Парикова Н.Б. Указ. соч., с. 23.

Широкое распространение гласного [а] в этой позиции, отмеченное в белёвских и венёвских говорах, обусловлено их периферийностью по отношению к эпицентру появления умеренного яканья.

В параграфе 5.3 дано описание белёвского типа диссимилятивного аканья, который отмечен в говоре с. Зайцево. В этом диалекте соотношение [а] ~ [э] в 1-м предударном слоге перед гласными верхнего и нижнего подъемов очень устойчиво, причем иногда перед [á] отмечаются звуки [о] и [ʌ]: *в н[одва́]ле, с[ожа́]ть, [лна́]*. Распределение звуков [а] и [э] в 1-м предударном слоге перед ударными гласными верхне-среднего и среднего подъемов свидетельствует об архаической основе диссимилятивного аканья, характерной для местной диалектной системы: [а] обычно произносится перед /ʋ/ и /ω/, [э] – перед /о/ и /е/.

На месте [э] перед /о/ нередко выступают звуки [о] и [ʌ]: *н[ошó]л, т[окó]й, к[акó]й*. Если произношение лабиализованного гласного перед /а/ обычно обусловлено общей тенденцией к сохранению диссимилятивной системы предударного вокализма, то появление звуков [о] и [ʌ] в позиции перед /о/ свидетельствует об отходе от чисто диссимилятивного типа аканья, что связано с усложнением диссимилятивной системы предударного вокализма регрессивной ассимиляцией ударному гласному.

В результате дальнейшего развития местной фонетической системы ассимиляция начинает проявляться также перед ударным гласным верхне-среднего подъема [е], который реализует в исследуемом говоре фонему /ʋ/: *на чел[ов'е́]-ка-то, н[э́]хала, н[э́]дешь* и др. Перед /ω/ диссимиляция сохраняется, поэтому можно предположить, что в описываемом диалекте в настоящее время функционирует особый тип архаического диссимилятивного аканья, при котором гласные 1-го предударного слога более последовательно противопоставлены перед /ω/ и /о/, а перед /ʋ/ и /е/ они могут совпадать не только в [а], но и в [э]. Данную модель аканья, параллельную диссимилятивно-умеренному яканью архаического типа, следует считать особым типом архаического диссимилятивного аканья и называть белёвским (хотя, вероятно, эта модель является переходной стадией развития аканья и в чистом виде не встречается).

В параграфе 5.4 описывается жиздринский тип диссимилятивного аканья в тульских говорах. Этот тип вокализма повсеместно отмечается на юго-западной территории тульских говоров; он также сохраняется в некоторых северных и восточных тульских говорах, например, в с. Гати Венёвского р-на.

Параграф 5.5 освещает историю изучения умеренного яканья в тульских говорах. В параграфе 5.6 доказывается, что с синхронной точки зрения системе умеренного яканья нужно рассматривать как фонологическую модель. Один из аргументов в пользу этого утверждения – поведение в этой системе отвердевших шипящих, которые могут воздействовать на предударные гласные то как мягкие, то как твердые согласные: *д[’и]жóй* и *д[’а]жóй; м[’и]шáть* и *м[’а]шáть*. Другим аргументом в пользу фонологической обусловленности умеренного яканья является реакция предударного гласного на консонантные

сочетания с первым твердым и последним мягким согласными: *m*[’имн’]’*ét*ь, *z*[’имл’]’*ěi* – дистантное фонетическое влияние в данном случае сомнительно.

В параграфах 5.7 и 5.8 дана диахроническая интерпретация представленного материала. Можно предположить, что начало формирования умеренного яканья было положено развитием в системе задонского архаического яканья ассимиляции по ряду³⁴. Как известно, архаическое яканье древнейшего вида имело в 1-м предударном слоге противопоставление [a] – не-[a]. Данные памятников свидетельствуют о том, что формирование умеренного яканья в тульских говорах началось при наличии различия под ударением фонем /ѣ/ и /е/³⁵. Причиной изменения архаического вокализма стало развитие процесса монофтонгизации дифтонгов; появление в 1-м предударном слоге на месте [a] упрежденных гласных повышенного подъема перед /ѣ/ находится в прямой связи с распространением под ударением гласного верхне-среднего подъема [e̞] на месте дифтонга [иѣ].

В результате действия регрессивной ассимиляции ударному [e̞] возникло диссимилятивно-умеренное яканье наиболее архаического вида: звукотип [a] функционировал перед ударными [ы], [у], [о], звукотип не-[a] – перед [и], [e̞], [e], [’у], [о], [’о], [a], [’а]. После оформления фонологического противопоставления согласных по твердости-мягкости перед /е/ распространяются мягкие согласные, что провоцирует в 1-м предударном слоге изменение [e] > [и], артикуляция которого ближе к дополнительной артикуляции палатализованного согласного. Прежде всего [и] на месте [e] распространяется в позиции перед мягкими согласными.

В тех тульских говорах, которые развили новый тональный контур «сильный центр и слабая периферия», гласный [a] в 1-м предударном слоге стал возможен перед любым ударным гласным. После твердых согласных развивалось сильное аканье, которое могло сохранять следы своей диссимилятивной основы перед ударным [a]. После мягких согласных и перед твердыми также во всех позициях распространялся звук [a], однако наличие [и] перед мягкими согласными сразу же ограничило появление в этой позиции звуков неверхнего подъема. Таким образом, умеренное яканье, характерное для большинства тульских говоров, сложилось в результате совмещения двух принципов: «умеренности» в позиции перед мягкими согласными и принципа сильного яканья в позиции перед твердыми.

На западной периферии тульских говоров сохранилась старая структура фонетического слова, что обусловило консервацию прежней диссимилятивной зависимости. При наличии под ударением противопоставления /ω/ ~ /о/ на

---

³⁴ См. предположение Л.Э. Калнынь, что умеренное яканье репрезентует «вокальную модель слова, которой свойственна такая суперсегментная характеристика, как слоговая гармония». *Калнынь Л.Э. Указ. соч.*, с. 28.

³⁵ *Рыбочкина Е.А. Фонетика и морфология тульских говоров XVII века. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1970, с. 5.*

месте [e] перед ударными /o/ и /a/ со временем распространялся звук [и], то есть происходил окончательный переход к системе противопоставления [и] – не-[и]. В результате появилось архаическое диссимилятивно-умеренное яканье.

После твердых согласных продолжает функционировать архаическое диссимилятивное аканье, которое также испытывает действие ассимилятивных тенденций. Подобная система предударного вокализма, отмеченная в некоторых говорах Белёвского р-на Тульской обл. и Ульяновского р-на Калужской обл., развивается за счет распространения в 1-м предударном слоге гласных [и] после мягких и [э] после твердых согласных независимо от ударного гласного.

Если при формировании диссимилятивно-умеренного яканья противопоставление фонем /ω/ ~ /o/ отсутствовало и диссимиляция проявлялась только перед /a/, в результате актуализации умеренного принципа возникало неархаическое диссимилятивно-умеренное яканье древнейшего вида с произношением [a] перед ударными [ы], [у], [о]; [e] перед ударным [a]; [и] перед ударными [и], [e], [’у], [’о], [’a]. После твердых согласных формировалось диссимилятивное аканье жиздринской разновидности, после мягких – возникло неархаическое диссимилятивно-умеренное яканье верхне-днепровского типа (после изменения [e] > [и] перед ударным [a]). Такие системы вокализма представлены в юго-западных говорах.

В дальнейшем умеренное яканье обычно развивается за счет распространения [и] перед твердыми согласными. Причины этого очевидны: нейтрализация фонем /’a/, /’o/, /e/ и /и/, возникнув в позиции перед мягкими согласными, неуклонно расширяет область своего функционирования, постепенно увеличивая число позиций неразличения.

В параграфе 5.9 представлены основные выводы.

В главе 6 дано описание ассимилятивно-диссимилятивных типов аканья и яканья. Параграф 6.1 посвящен анализу ассимилятивно-диссимилятивного яканья новосёлковской разновидности. Гласный [и] в 1-м предударном слоге при этом типе вокализма произносится не только перед /e/ и /’o/, но в части случаев также и перед /’a/: *p[’иб’á]та, од[’ија]ло* и др., что, возможно, отражает прежнюю умеренно-диссимилятивную основу вокализма. В позиции перед /’o/ также отмечаются исключения: наряду с закономерным [и] в части примеров произносится [’a]: *шин[’ал’ó]м, штаб[’ал’ó]в, с с[’ам’jó]ю*. Подобный параллелизм между твердой и мягкой разновидностями парадигмы свойствен некоторым типам диссимилятивного яканья (например, архаическому, щигровскому и суджанскому) и может считаться в системе ассимилятивно-диссимилятивного яканья также архаическим явлением.

Особую систему в говоре представляют предлоги, приставки и частицы, находящиеся в позиции 1-го предударного слога: здесь независимо от ударного гласного отмечается звукотип [a]. Произношение в 1-м предударном слог гласного [a] после твердых согласных, а в проклитиках – также и после мягких согласных вне зависимости от качества ударного гласного свидетельствует,

что в говоре фонетической моделью является именно сильное аканье-яканье. Сохранение противопоставления [а] и [и] перед /ѣ/ и /е/ (*в[’ал’ѣ]ла, но зам[’ит’ѣ]м*) объясняется грамматикализацией и лексикализацией произношения в отдельных словах и грамматических категориях и «в синхронной системе вокализма не относится к уровню фонетики»³⁶.

Параграф 6.2 освещает историю изучения новосёлковского типа вокализма. В параграфе 6.3 представлено описание ассимилятивно-диссимилятивного типа аканья, недавно обнаруженного Р.Ф. Касаткиной и Е.В. Щигель³⁷ в Хлевенском р-не Липецкой обл. В этих говорах наблюдается первая ступень перехода задонского архаического яканья к ассимилятивно-диссимилятивному новосёлковской разновидности. Авторы показали, что это изменение обусловлено ассимиляцией гласных 1-го предударного слога гласным [ǎ] и [á], реализующим /о/ и /а/. Переходу [э] и [е] в [а] перед /’а/ мешает дифтонгический характер ее реализаций: только после монофтонгизации [ēа] и [īа] начинается распространение [а] перед /’а/, которое совпадает с изменением системы корреляций после мягких согласных: от [а] – не-[а] к [и] – не-[и]. Видимо, именно этим объясняется непоследовательность произношения [а] в позиции перед /’а/ при новосёлковском типе. Изменение системы корреляций приводит к фонологизации противопоставления [и] || [а] и к утрате фонетической зависимости гласного 1-го предударного слога от ударного гласного.

В параграфе 6.4 дана диахроническая интерпретация представленного материала. Как было показано в главе 3, наиболее сильное влияние на общую структуру предударного вокализма ассимилятивные процессы оказывают в системе архаического аканья-яканья с противопоставлением в 1-м предударном слоге [а] – не-[а], что обусловлено актуальной тенденцией к упрощению системы гласных.

Вероятно, системным явлением ассимиляция стала в результате активизации двух процессов: монофтонгизации дифтонгов, а также модификации на юго-восточной территории ритмической структуры слова. Развивавшийся процесс монофтонгизации дифтонгов ограничил действие старой диссимилятивной зависимости гласного 1-го предударного слога от качества ударного гласного. Новая ритмическая структура слова сделала допустимым произношение в 1-м предударном слоге широких длительных гласных перед ударными гласными среднего и нижнего подъемов. Ассимилятивно-диссимилятивная природа архаического аканья и яканья, а также активно развивающиеся ассимилятивные процессы приводили к перестройке всей системы, к ее стабилизации на принципиально новых основаниях. Для русских диалектов не уникальна ситуация, «когда слоговая гармония обнаруживает свой

---

³⁶ Захарова К.Ф. К вопросу о генетической основе типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья // Диалектологические исследования по русскому языку / Отв. ред. Р.И. Аванесов. М., 1977, с. 55.

³⁷ Касаткина Р.Ф., Щигель Е.В. Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики. II / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 1995.

потенциал только при условии нарушения традиционной вокальной модели слова»³⁸.

В восточной группе Южнорусского наречия наибольшее распространение получила ассимиляция по подъему. Ассимилятивные тенденции действовали и раньше, до изменения ритмического контура, в результате чего перед /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге на месте [e] и [э] распространялись звуки [ε] или [а̣]. И хотя эти гласные средне-нижнего подъема по-прежнему оставались представителями звукотипа не-[a], всего один шаг отделял подобную систему предударного вокализма от глобального изменения. Новый ритмический контур активизировал распространение на месте [ε] и [а̣] гласного нижнего подъема [a], что совершенно уничтожило старую диссимилятивную систему перед /o/ и /a/ и способствовало развитию ассимилятивно-диссимилятивного аканья и яканья на новосёлковской основе.

Под влиянием действующей закономерности произошло окончательное оформление фонологического противопоставления согласных по твердости-мягкости; упростилась система корреляций после мягких согласных: от [a] – не-[a] к [и] – не-[и]. Звук [e] перестал быть отдельным звукотипом и функционально объединился с гласным [a] в звукотипе не-[и]. Впрочем, в результате действия ассимилятивных тенденций гласный [и] на месте фонем неверхнего подъема возможен всего в двух позициях: перед /e/ и /ʔo/.

Так формируется ассимилятивно-диссимилятивное яканье новосёлковского типа. Эта разновидность яканья обычно сочетается в южнорусских говорах с семифонемной системой вокализма, однако сохранение противопоставления гласных [a] ~ [и] перед /e/ и /ʔ/ уже не имеет никакого отношения к особенностям системы ударных фонем. Фонологизация позиционных чередований обуславливает усиление влияния на выбор гласного в 1-м предударном слоге грамматических и лексических факторов. Так, изоглосса фонемы /e/ в ударных окончаниях глаголов I спряжения в основных чертах совпадает с ареалом ассимилятивно-диссимилятивного яканья новосёлковской разновидности.

Если условия для лексикализации и грамматикализации произношения гласных отсутствуют, в 1-м предударном слоге независимо от гласного под ударением распространяется звук [a].

В параграфе 6.5 формулируются основные выводы.

Заключение отражает основные выводы, полученные в ходе проведения работы. Все говоры исследованного ареала генетически связаны, в них выявляется общая диссимилятивная основа организации вокализма как после твердых, так и после мягких согласных. Более последовательно диссимилятивное аканье функционирует в говорах Курско-Орловской диалектной группы, а также в елецких и оскольских межзональных говорах. Во многих говорах Тульской и Восточной диалектных групп отмечаются лишь рефлекс-

---

³⁸ Калнынь Л.Э. Указ. соч., с. 31.

сы былого распространения диссимилятивного типа вокализма. Подобная неоднородность диссимилятивного аканья напрямую связана с наличием определенной ритмической структуры слова. Наличие «смешанного» ритмического контура в говорах юго-западной диалектной зоны способствует сохранению в них диссимилятивного аканья как последовательно выдержанной системы; становление контура «сильный центр и слабая периферия», что характерно для юго-восточной диалектной зоны, приводит к распространению сильного (недиссимилятивного) аканья.

Сохранение/утрата диссимилятивного аканья зависит также от качества звуков, которые репрезентуют звукотип не-[а] после твердых согласных. Лабиализация его реализаций становится причиной сохранения диссимилятивного аканья на западе ареала. В направлении на восток наблюдается изменение характера не-[а] – от о-образных звуков к ə-образным, близким к [а], что, очевидно, также способствует утрате диссимилятивной зависимости после твердых согласных. При этом гласный [а] перед [á] может отличаться по степени подъема и квантитативным характеристикам от звука [а] перед другими ударными гласными.

Все разновидности яканья, характерные для описанных говоров, также проявляют исконную диссимилятивную основу вокализма; они «образуют стройную систему, отдельные звенья которой представляют ступени ее постепенного внутреннего развития»³⁹. Очевидно, что тульское умеренное яканье представляет единый диалектный ареал с диссимилятивно-умеренным яканьем, которое характерно для периферии исследуемых говоров и которое, в свою очередь, обнаруживает генетические и типологические связи с суджанским диссимилятивным яканьем.

Некоторые типы яканья, характерные для Южнорусского наречия, могут сочетаться с семифонемной системой вокализма: задонская и обоянская разновидности архаического диссимилятивного яканья, архаический тип диссимилятивно-умеренного яканья, новосёлковская разновидность ассимилятивно-диссимилятивного яканья. Однако ни в одной из этих систем нет прямой фонетической зависимости между ударным и предударным гласными. Произношение конкретного звукотипа на месте фонем /ѣ/ и /е/, /ω/ и /о/ непосредственно не влияет на выбор звукотипа в 1-м предударном слого. Появление гласного [а] – не-[а] (при задонском типе) или [и]–не-[и] (при остальных разновидностях вокализма) обусловлено не фонетической позицией, а различными фонологическими или лексико-грамматическими условиями.

Южнорусские говоры сохраняют многие архаические диалектные особенности, связанные с организацией сегментного и суперсегментного уровней их фонетических систем: наличие рефлексов волнообразной ритмической структуры слова, которая была свойственна древнерусскому языку, слабое примы-

---

³⁹ Котков С.И. К изучению орловских говоров. Орел, 1952, с. 165, 182.

кание согласного к предшествующему гласному (тенденция к открытости слога), сильноконечный характер дифтонгических образований на месте /ѣ/ и /ѡ/, неоднородность гласного [ы], а также опущенное образование аллофонов /у/, последовательное отсутствие перехода под ударением [е] в [о] в глагольных флексиях настоящего времени, функционирование различных типов вокализма на архаической основе. Фиксация подобных языковых черт в южнорусских говорах различной локализации указывает не «на общие языковые переживания», свойственные этим диалектным системам, но свидетельствует об отсутствии проникновения на южные территории северных инноваций «позднедревнерусского периода»⁴⁰.

Многие архаические диалектные особенности, фиксирующиеся в юго-западных говорах (например в говоре с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.), сближают их с говорами северной диалектной зоны, прежде всего с говорами северо-востока. Среди явлений, относящихся к сегментному и суперсегментному уровням, можно назвать: общую напряженность артикуляции; следы апико-альвеолярного способа образования переднеязычных согласных [т], [д], [н], [л]; продление конечного гласного повествовательных высказываний, что связано с возможным отсутствием падения тона на последнем гласном; усиление последнего слога фонетического слова, что обусловлено тенденцией к пословному мелодическому оформлению синтагм. Эти особенности, идущие из праславянской древности, не сохранились в большинстве южнорусских диалектных систем. Однако их наличие в говоре Кирейкова с ярко выраженной южнорусской основой свидетельствует о том, что эти архаические черты когда-то были присущи всем говорам русского языка.

В приложении, являющемся необходимым дополнением к основному тексту работы, содержится список населенных пунктов, материал из которых использовался в работе.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Публикации в рецензируемых научных журналах из перечня ВАК

1. Многофакторный анализ систем предупредного вокализма в южнорусских говорах // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69, №4, с. 15–25 (1,2 п.л.).
2. Пути развития архаических типов вокализма в южнорусских говорах // Русский язык в научном освещении. 2010. №2 (20), с. 103–119 (1,1 п.л.).
3. Тульское умеренное яканье в синхронии и диахронии // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71, №3, с. 39–49 (1,1 п.л.).
4. О причинах эволюции систем предупредного вокализма в южнорусских говорах // Вопросы языкознания. 2012. №2, с. 45–60 (1,3 п.л.).

---

⁴⁰ Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет»: в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979, с. 51.

5. Просодия слова в южнорусских говорах с диссимилятивным вокализмом // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. №1 (31). М., 2013, с. 7–20 (0,9 п.л.).
6. О некоторых аспектах изучения русских говоров Северо-Запада (инструментально-фонетическое исследование системы гласных в одном идиолекте) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25), с. 86–110 (1,5 п.л.).
7. Фонемы /ѣ/ и /ѡ/ в южнорусских говорах (инструментально-фонетическое исследование) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. №4 (34). М., 2013, с. 93–109 (1,1 п.л.).

2. Монографии, главы в монографиях, учебные пособия

8. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. М., 2013. 320 с. (10,0 п.л.)
9. Архаический диссимилятивный вокализм в развитии // Русская фонетика в развитии: фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Отв. ред. М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткина. М., 2013, с. 317–336 (1,2 п.л.).
10. Расшифровка и комментирование текстов из Волгоградской, Московской, Ростовской, Рязанской, Тульской областей, составление словаря // Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р.Ф. Касаткиной. М.: Наука, 1999 (2,5 п.л.).

3. Публикации в журналах, сборниках статей, материалах конференций и других изданиях

11. О рефлексах фонем <ѣ>, <ѡ> в говорах севера Тульской обл. // Функциональная лингвистика: Язык. Культура. Общество. Материалы конференции. Симферополь, 1999, с. 155–157 (0,1 п.л.).
12. О следах диссимиляции перед ударным [и] при умеренном яканье в некоторых говорах Тульской области // Функциональная лингвистика: Язык. Культура. Общество – II. Материалы конференции. Ялта, 2000, с. 306–309 (0,25 п.л.).
13. Диалектная архаика в говорах Белёвского района Тульской области (фонетика и грамматика) // Лингвистические этюды: К 70-летию доцента кафедры русского языка и методики Н.Б. Париковой. Тула, 2000, с. 13–17 (0,2 п.л., в соавторстве с О.Г. Ровновой).
14. Говоры Белёвского района (по материалам фонотеки Тульского педуниверситета) // Бюллетень фонетического фонда русского языка. № 7, декабрь 2000. Тексты устной речи, с. 75–82 (0,4 п.л.).
15. К вопросу о происхождении умеренного яканья в говорах Тульской обл. // Активные языковые процессы конца XX века. Тезисы докладов международной конференции. М., 2000, с.147–149 (0,1 п.л.).

16. Развитие предупредительного вокализма в одном тульском говоре // Жизнь языка: Сборник статей к 80-летию М.В. Панова. М.: Языки славянской культуры, 2001, с. 211–215 (0,35 п.л.).
17. Жиздринское диссимилятивное аканье в говорах Тульской области // Сельская Россия: Прошлое и настоящее. Вып. 2. М., 2001, с.174–178 (0,4 п.л.).
18. Диссимилятивно-умеренное яканье в говорах Белёвского района Тульской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII): К 100-летию со дня рождения Р.И. Аванесова. М.: Наука, 2002, с. 65–83 (1,25 п.л.).
19. Об особенностях произношения местоимений в форме родительного падежа (типа *его*) в южнорусских говорах // Проблемы фонетики. IV. М.: Наука, 2002, с.260–269 (0,6 п.л.).
20. О диссимилятивной основе предупредительного вокализма в говорах Тульской обл. // Русистика на пороге XXI века: Проблемы и перспективы. М., 2003, с. 390–393 (0,4 п.л.).
21. К вопросу о происхождении умеренного яканья в говорах Тульской области // Русский язык сегодня 2. Активные языковые процессы конца XX века. М.: Азбуковник, 2003, с. 322–336 (0,8 п.л.).
22. О развитии архаических типов вокализма // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции. М., 2004, с. 135–136 (0,1 п.л.).
23. Зависимость типов аканья и яканья от ударного вокализма в южнорусских говорах // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции. М., 2006, с. 167–168 (0,1 п.л.).
24. Еще раз к истории развития ассимилятивно-диссимилятивного типа вокализма в южнорусских говорах // Проблемы фонетики. V. М.: Наука, 2007, с. 395–407. (0,6 п.л., в соавторстве с Р.Ф. Касаткиной).
25. К вопросу о зависимости типов аканья и яканья от семифонемного вокализма // Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX). М.: Наука, 2008, с. 182–193 (0,6 п.л.).
26. Дмитровское диссимилятивное яканье в говорах Белгородской обл. // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 14. Фонетический аспект изучения славянских диалектов. М., 2009, с. 53–66 (0,6 п.л., в соавторстве с Е.В. Корпечковой).
27. К вопросу о развитии суджанского диссимилятивного яканья // Актуальные проблемы русской диалектологии и изучения старообрядчества. Тезисы докладов международной конференции. М., 2009, с. 145–147 (0,1 п.л.).
28. Оканье в русских говорах острова Пийриссаар (к вопросу о языковых контактах Западного и Восточного Причудья) // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2010. СПб.: Наука, с. 200–209 (0,6 п.л.).

29. Суджанское диссимилятивное яканье в синхронии и диахронии // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Вып. 30. Воронеж, 2010, с. 277–287 (0,7 п.л.).
30. Системы противопоставлений гласных первого предударного слога как различительный диалектный признак // Основные тенденции развития русского языка: лингвофилософский аспект. Владимир, 2010, с. 142–149 (0,4 п.л.).
31. Гдовское оканье на острове Пийриссаар (Эстония) // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции 8-10 октября 2010 года. М., 2010, с. 110–113 (0,1 п.л.).
32. Факторы развития систем предударного вокализма в южнорусских говорах // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2010, с. 88–89 (0,1 п.л.).
33. О переходе от окающего предударного вокализма к акающему в идиолекте информанта с острова Пийриссаар // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. Тарту, 2012, с. 84–94 (0,6 п.л.).
34. Говор острова Пийриссаара в исследованиях Т.Ф. Мурниковой // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. Тарту, 2012, с. 30–39 (0,5 п.л., в соавторстве с О.Г. Ровновой).
35. Ритмическая структура слова и типы предударного вокализма в южнорусских говорах // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции. М., 2012, с. 143–145 (0,1 п.л.).
36. Рефлексы фонем средне-верхнего подъема в южнорусских говорах // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VII международной научной конференции 27-29 сентября 2013 года. М., 2013, с. 67–72 (0,25 п.л.).
37. Динамика ударного вокализма в архаическом калужском говоре // Труды Института русского языка: К 85-летию Л.Л. Касаткина (в печати, 1,5 п.л.).